ПАДЕНІЕ
ГРЕКО-ВОСТОЧНОЙ
ЦЕРКВИ.

Изданіе Московскаго Старообрядческаго
Братства Честнаго и Животворящаго
Креста Господня.

Діаконъ Ѳ. М. Гусляковъ.

ПАДЕНІЕ ГРЕКО-ВОСТОЧНОЙ ЦЕРКВИ.

МОСКВА.
Типографія П. П. Рябушинскаго, Страстной бульв., соб. домъ.
1911.

Вступленіе.

Вопросъ о церкви греко-восточной, о времени отпаденія ея отъ православія, противостарообрядческіе полемисты и миссіонеры стараются представить вопросомъ огромной важности, непреодолимой трудности и безконечной сложности. Вотъ что, напримѣръ, писалъ по этому вопросу одинъ изъ сподвижниковъ, извѣстнаго по обличенію „раскола“, проф. Н. Субботина:

„Вопросъ о церкви греческой и о времени признаваемаго старообрядцами отпаденія ея отъ православія, вопросъ очень для нихъ затруднительный. Когда я служилъ въ канцеляріи Антонія, именовавшаго себя архіепископомъ московскимъ, то за рѣшеніемъ сего вопроса къ намъ въ канцелярію обращались многіе старообрядцы. Паденіе церкви россійской Швецовъ и другіе начетчики легко объясняли тогда совершеннымъ ею книжнымъ исправленіемъ, перемѣною двуперстія на троеперстіе, двойственнаго аллилуія на тройственное и т. д. Но тѣмъ же объяснить и паденіе церкви греческой не находили возможнымъ; ибо знали, что въ то время, когда у насъ въ Россіи совершалось исправленіе книгъ и произошелъ расколъ въ греческой церкви никакого исправленія книгъ и обрядовъ не было и никакого раскола не произошло. А говорить, что греческая церковь утратила православіе еще за много лѣтъ до патріарха Никона, признавали и совсѣмъ несправедливымъ въ виду того, что „Книга о вѣрѣ“ и другія, изданныя въ Россіи предъ самыхъ патріаршествомъ Никона, при Іосифѣ патріархѣ, свидѣтельствуютъ о неизмѣнномъ храненіи греками православія, и что до самыхъ лѣтъ патріарха Никона россійская церковь находилась въ общеніи съ греческою.“ (Е. Антоновъ. „Разсмотр. книги Механикова,“ стр. 118, 119).

Такимъ же представляется этотъ вопросъ миссіонерамъ и нашего времени. Совсѣмъ недавно въ журналѣ „Церковь“ (№ 49 за 1910 годъ) приводились слѣдующія слова одного изъ нихъ: „О греческой и вообще восточной церкви патріархъ Іосифъ въ кн. „О вѣрѣ“, 27 листъ, отозвался въ 1649 году, что она не только содержитъ твердо истинную вѣру, но что и малѣйшихъ обрядовъ не нарушаетъ; между тѣмъ, эта греческая церковь имѣла всеобдержный обычай изображать крестное знаменіе тремя перстами. („Правосл. испов. греч. церкви“, 1 ч., изд. въ 1643 году). Объ этой книгѣ, именующійся въ старообрядчествѣ епископомъ, Иннокентій Усовъ говоритъ въ своемъ сочиненіи, что она подписана всѣми восточными патріархами въ разное время („О крещен.“, 76 стр.). И эти троеперстники патріархи учредили въ Россіи патріаршество; пріѣзжая къ намъ, въ Москву, принимали участіе въ богослуженіи, и никто изъ здравомыслящихъ не считалъ ихъ еретиками“.

Считая вопросъ о паденіи грековосточной церкви весьма затруднительнымъ для старообрядцевъ, миссіонеры, при бесѣдахъ съ ними, обязательно ставятъ его въ болѣе или менѣе критическихъ для нихъ обстоятельствахъ...

Но какъ же разрѣшается этотъ вопросъ на самомъ дѣлѣ? Дѣйствительно-ли старообрядцы не могутъ дать опредѣленнаго отвѣта по данному вопросу, какъ утверждалъ это Антоновъ? Дѣйствительно-ли вопросъ о паденіи грековосточной церкви для старообрядцевъ такъ труденъ, какъ рисуютъ его вообще миссіонеры? Конечно, нѣтъ. Такимъ кажется этотъ вопросъ только для миссіонеровъ. Тѣми же, кого онъ касался ближе всего, кого касался не по найму, какъ миссіонеровъ, но былъ связанъ съ вопросомъ жизни и смерти души,—онъ разрѣшенъ давнымъ давно, и разрѣшенъ вполнѣ основательно, какъ того требовали свято-церковное и святоотеческое ученіе и истинно-христіанская совѣсть. Приводимыя ниже изслѣдованія даннаго вопроса людей науки и безпристрастнаго отношенія къ исторіи въ достаточной мѣрѣ подкрѣпляютъ только что нами сказанное.

Паденіе греко-восточной церкви.

I.

Увѣренія противостарообрядческихъ полемистовъ и миссіонеровъ, что вопросъ о паденіи греко-восточной церкви является для старообрядцевъ „очень затруднительнымъ", какъ мы уже знаемъ со словъ г. Антонова, главнымъ образомъ, основаны на томъ, что въ то время, когда у насъ въ Россіи совершалось исправленіе книгъ и перемѣна обрядовъ,—дѣянія, давшія поводъ говорить о паденіи русской церкви,—въ греческой церкви никакого исправленія книгъ и обрядовъ не было, и, такимъ образомъ, не было повода говорить о ея паденіи. Слѣдовательно, намъ предстоитъ прежде всего разобраться въ вопросѣ: дѣйствительно-ли церковь греко-восточная пребыла до лѣтъ Никона, бывшаго патріарха, не нарушившею чистоту православія и сохранившею всѣ тѣ древнія святоцерковныя преданія, какія она передала русскому народу во время принятія имъ св. вѣры при князѣ Владимирѣ?

Къ глубокому прискорбію и сожалѣнію, приходится отвѣтить на этотъ вопросъ только отрицательно.

Ко времени патріаршества Никона, церковь греко-восточная довольно существенно порознилась съ русскою въ церковныхъ чинахъ и обрядахъ. Рѣшивъ привести церковь русскую въ полное согласіе съ современною себѣ церковью греческою, Никонъ на Соборѣ 1654 года объяснялъ это различіе тѣмъ, что русскія церковныя книги содержатъ въ себѣ неправые, нововводныя чины и обряды, не согласные съ истинно православными древними чинами и обрядами; что русская церковь не удержалась во всемъ на высотѣ строгоправославнаго обряда, допустила у себя существованіе неправыхъ, нововводныхъ церковныхъ чиновъ, не согласныхъ съ строго православными чинами, какіе ранѣе существовали въ русской церкви и сейчасъ существуютъ у грековъ.

„Такое заявленіе Никона,—говоритъ проф. Н. Каптеревъ,—необходимо должно было произвести, въ высшей степени, сильное впечатлѣніе на большинство благочестивыхъ русскихъ людей, и вызвать у нихъ цѣлый рядъ недоумѣнныхъ вопросовъ.

До сихъ поръ каждый русскій искренно и твердо вѣрилъ, что русская церковь приняла отъ грековъ православіе во всей его чистотѣ и полнотѣ, что въ теченіе вѣковъ она хранила его неизмѣнно, и ни разу не поступилась имъ ни въ какую сторону, такъ что православіе и въ церковно-обрядовомъ отношеніи, всегда царило въ ней безъ всякихъ колебаній и уклоненій, дало ей цѣлый рядъ великихъ угодниковъ Божіихъ, и самое русское государство сдѣлало могучимъ и сильнымъ, единымъ, теперь православнымъ царствомъ въ цѣлой вселенной. Сами греки не разъ открыто признавали, что русскіе всегда были тверды и неизмѣнны въ вѣрѣ, что Русь сдѣлалась опорою и единственно вѣрнымъ убѣжищемъ гонимаго на Востокѣ православія. Много перебывало на Руси различныхъ греческихъ іерарховъ, не разъ бывали въ ней и сами патріархи различныхъ восточныхъ каѳедръ, и никогда до Никона они не замѣчали, чтобы русская церковь содержала какіе-либо неправые церковные чины и обряды. Они, наоборотъ, только дивились русскому благочестію, восхваляли русскихъ за горячую преданность истинному православію, за ихъ религіозную крѣпость и устойчивость. Самъ константинопольскій патріархъ Іеремія торжественно заявлялъ въ Москвѣ, что въ ней теперь слѣдуетъ быть престолу вселенскаго патріарха, что Москва теперь есть истинная столица всего вселенскаго православія, что она—третій Римъ. И вдругъ, московскій патріархъ Никонъ торжественно заявляетъ теперь на соборѣ, что русское благочестіе сомнительно, такъ какъ русскіе содержатъ у себя неправые, нововводные церковные чины и обряды, и что самыя богослужебныя книги, по которымъ вѣруютъ и спасаются русскіе, исполнены очень серьезныхъ ошибокъ и погрѣшностей. Откуда же взялъ Никонъ это поразительное и страшное открытіе? Ему указали на него греки, церковныя

книги, чины и обряды которыхъ порознились съ русскими. Тогда невольно возникалъ вопросъ: чьи же теперь книги нужно признать испорченными: русскія или греческія? Никонъ, съ голоса разныхъ сомнительныхъ заѣзжихъ къ намъ грековъ и кіевлянъ, рѣшительно заявилъ, что испорчены именно русскія книги, и что ихъ слѣдуетъ исправить по книгамъ греческимъ, которыя не подверглись никакой порчѣ. Но значительному большинству русскихъ крайне трудно и тяжело было согласиться съ этимъ мнѣніемъ Никона, признать его справедливымъ. Русскія церковныя книги, обряды и чины испорчены, но кѣмъ, когда и съ какой цѣлью? Вотъ вопросы, которые необходимо возникали въ умѣ русскаго человѣка, и на которые онъ никакъ не могъ найти себѣ удовлетворительнаго отвѣта. На Руси не было, какъ въ Греціи, ни царей еретиковъ, ни верховныхъ іерарховъ отступниковъ, никакая ересь ни разу не царила на Руси, православіе всегда и всѣми признавалось въ ней неизмѣнно. Русь именно гордилась тѣмъ, что разъ принятое ею православіе она всегда хранила твердо, безъ малѣйшихъ измѣненій. Кому же теперь и для какой цѣли понадобилась порча русскихъ церковныхъ книгъ, въ которыя всѣ вѣрили, которыя въ глазахъ русскихъ всегда были такъ святы и не перекаемы, что они не рѣшались измѣнить въ нихъ даже единой буквы; учили, что православному человѣку слѣдуетъ умирать за едину букву азъ, если она будетъ измѣнена въ его священныхъ книгахъ. А, между тѣмъ, если вѣрить Никону, оказалось, что русскіе, учившіе православныхъ умирать за едину букву азъ, какъ то странно не замѣтили порчи всѣхъ своихъ богослужебныхъ книгъ, не замѣтили, какъ въ нихъ вошли неправые, нововводные чины и обряды. Когда же, въ самомъ дѣлѣ, и какъ могло случиться это непонятное и странное явленіе? На этотъ вопросъ русскій не находилъ отвѣта [1]). Указаніе на то, что

---

[1]) Дьяконъ Ѳеодоръ, напримѣръ, по этому случаю говоритъ въ своей челобитной государю: „А въ твоемъ государствѣ не бывало еретиковъ прежде, кои бы святыя книги превращали и противные въ нихъ догматы вносили“. Въ посланіи изъ Пустозерска къ сыну своему Максиму Ѳеодоръ пишетъ: „Аще бы на Москвѣ приложили (въ символъ) истиннаго: кто при-

русскія церковныя книги, чины и обряды испортило, исказило вѣковое русское невѣжество, конечно, ровно ничего не объясняло, потому что невѣжество могло только объяснить появленіе въ русскихъ богослужебныхъ книгахъ разныхъ описокъ и неважныхъ погрѣшностей въ текстѣ, происшедшихъ отъ неумѣлой или невнимательной переписки книгъ, но никакъ не могло объяснить появленія въ книгахъ неправыхъ, нововводныхъ чиновъ и обрядовъ, такъ какъ для этого требовалось уже творчество и, во всякомъ случаѣ, серьезная передѣлка существовавшихъ тогда церковныхъ чиновъ и обрядовъ на новый ладъ,—дѣло настолько замѣтное и крупное, что оно никакъ не могло пройти незамѣченнымъ, особенно въ русскомъ обществѣ, всегда крайне чуткомъ къ малѣйшимъ обрядовымъ перемѣнамъ.

Не умѣя объяснить порчу книгъ русскихъ, не представляя себѣ самой возможности этой порчи, русскіе естественно задавались вопросомъ: да дѣйствительно-ли справедливо, что испорчены, именно, русскія книги? Не вѣроятнѣе-ли будетъ предположить, что испорчены не русскія, а греческія книги? Многое говорило русскому за справедливость послѣдняго предположенія. Онъ невольно вспоминалъ при такомъ предположеніи о господствѣ въ Константинополѣ латинянъ-крестоносцевъ, объ уклоненіи греческаго императора, патріарха и многихъ іерарховъ въ унію, о завоеваніи Константинополя турками, когда латиняне, будто бы, скупивъ греческія книги, сожгли ихъ и напечатали, на мѣсто сожженныхъ, новыя, ими передѣланныя, въ какомъ видѣ греческія книги продолжаютъ печататься и доселѣ въ Венеціи и другихъ иновѣрныхъ земляхъ; о томъ, что въ теперешнихъ греческихъ книгахъ, по сознанію и заявленіямъ самихъ грековъ, находится лютое еретическое зелье, внесенное въ нихъ латинянами и лютеранами; о греческихъ ученыхъ, которые получали образованіе въ латинскихъ школахъ, гдѣ многіе

ложилъ именемъ — царь ли, или святитель какой? и въ кое лѣто? и како тому прилагатою Церковь премолча о прилогѣ? И аще вси люди мертвы быша въ то время: тогда буди тако, яко спящимъ всѣмъ людямъ на Москвѣ и приложи нѣкто истиннаго и утече нѣгдѣ“ (Матер. VI, 41, 154).

изъ нихъ заражались латинствомъ и т. п. Если, такимъ образомъ, для многихъ русскихъ была рѣшительно непонятна и необъяснима порча книгъ русскихъ, то, наоборотъ, легко и удобно для нихъ объяснялась порча книгъ греческихъ, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что очень многіе русскіе оказались болѣе склонными признать испорченными греческія книги, а не русскія" („Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ", стр. 140—143).

И на самомъ дѣлѣ это было такъ. „Русскіе церковные чины, не согласные съ тогдашними греческими,—говоритъ тотъ же профессоръ,—въ дѣйствительности, были правые, старые греческіе чины и обряды, нѣкогда перешедшіе на Русь отъ православныхъ грековъ и у насъ неизмѣнно сохраняемые, тогда какъ у самихъ грековъ, вслѣдствіе естественнаго роста и перемѣнъ въ церковно-обрядовой жизни, они измѣнились, почему и стали не сходны съ русскими, или—что то же—съ своими же греческими чинами и обрядами. Фактически поэтому дѣло стояло такъ, что не русскіе отступили отъ греческой церковной старины, въ какомъ видѣ она перешла на Русь, а позднѣйшіе греки, въ силу разныхъ историческихъ перемѣнъ и требованій, видоизмѣнялі свои старые обряды и чины и сдѣлали ихъ не похожими на старые, а, слѣдовательно, и на русскіе". (Тамъ же, стр. 138).

II.

Какимъ же образомъ случилось, что греки измѣнили своей церковной древности? видоизмѣнили свои старые чины и обряды?

Такое измѣненіе совершалось постепенно, вслѣдствіе тяжелыхъ историческихъ условій существованія греческой церкви. Очень многія неблагопріятныя условія, по увѣренію самихъ восточныхъ іерарховъ, грозили православію на Востокѣ искаженіемъ чистоты его ученія, привнесеніемъ въ него чуждыхъ вѣрованій. Александрійскій патріархъ Мелетій Пигасъ въ своемъ посланіи къ православнымъ рус-

скимъ и грекамъ, жившимъ въ Польшѣ, между прочимъ, пишетъ, что у грековъ, со времени завоеванія ихъ турками, „начали изсякать ручьи божественной мудрости, заглохло наше просвѣщеніе, насталъ для вселенной (духовный) голодъ и жажда. И даже Западъ, т.-е. греки, живущіе на западѣ, терпитъ необычайныя несчастья. Ибо тѣ, которые плѣнены, пришли въ такое злосчастье, что едва могутъ сохранить вѣру Христову цѣлою и неисказимою и то съ большими опасностями и страданіями; тѣ же, которые, по человѣколюбію Божію, были свободными отъ этого плѣна и его бѣдствій, мало-по-малу попали въ другія затрудненія, вслѣдствіе того многобѣдственнаго раздѣленія церквей, которое приготовлено крайнимъ славолюбіемъ желающихъ властвовать вмѣсто Христа. Такимъ образомъ, и эти послѣдніе страдаютъ, бывъ подвержены другимъ бѣдствіямъ“ (Малышевскій, „Мелетій Пигасъ“, т. II, стр. 81—82).

„Послѣ завоеванія Константинополя турками просвѣщеніе у грековъ дѣйствительно почти окончательно упало. Школъ, гдѣ бы давалось научное образованіе, или вовсе не было или онѣ были крайне рѣдки и притомъ, сравнительно съ западными школами, очень неудовлетворительны по своей постановкѣ. Поэтому всѣ греки, желавшіе получить высшее научное образованіе, по необходимости должны были учиться въ иновѣрныхъ западныхъ школахъ или въ протестантскихъ, или, въ большинствѣ случаевъ, въ латинскихъ. Въ Римѣ въ концѣ XVI вѣка папою Григоріемъ XIII была уже основана спеціальная греческая коллегія, гдѣ въ духѣ латинства, подъ руководствомъ отцовъ іезуитовъ, воспитывались молодые греки, которые потомъ должны были сдѣлаться поборниками и проводниками латинства среди православныхъ. Изъ этой римской, греческой коллегіи вышли, между прочимъ, и извѣстные дѣятели Арсеній грекъ и Паисій Лигаридъ. Даже тѣ ученые греки, которые оставались вѣрны православію, обучаясь въ латинскихъ школахъ, принуждены были временно отказываться отъ православія и принимать латинство. Да и вообще иновѣрная школа, иногда даже не-

вольно, должна была оказывать свое заражающее вліяніе на учащихся въ ней православныхъ грековъ, незамѣтно прививая къ нимъ или латинскія, или протестантскія воззрѣнія, а, между тѣмъ, воспитанники иновѣрныхъ школъ, какъ получившіе высшее научное образованіе, стремились занять мѣста учителей, проповѣдниковъ и архіерейскія каѳедры. Но этого мало. Не только ученые греки заражались иногда въ иновѣрныхъ школахъ чуждыми православію воззрѣніями, но и самыя греческія книги подвергались серьезной опасности быть попорченными, особенно со стороны латинянъ, которые, кромѣ школы, не прочь были и такимъ путемъ пропагандировать латинство между греками. Греки не имѣли у себя дома своей типографіи и принуждены были печатать свои книги за границей, преимущественно въ Венеціи. Попытка константинопольскаго патріарха Кирилла Лукариса завести свою греческую типографію въ Константинополѣ, благодаря интригамъ іезуитовъ, потерпѣла полную неудачу, и греки принуждены были по-прежнему печатать свои книги въ латинскихъ земляхъ, что открывало возможность латинянамъ злоупотреблять греческими печатными книгами. При упомянутой выше коллегіи въ Римѣ печатались и греческія книги, прошедшія предварительно черезъ руки и цензуру отцовъ іезуитовъ. Сами венеціанскіе греки не прочь были внести, въ печатаемыя ими греческія книги нѣкоторыя латинскія нововведенія. Такъ въ лицѣ своего митрополита Гавріила Севера они обращаются къ константинопольскому патріарху II, съ просьбою разрѣшить имъ ввести у себя, ради житейскихъ удобствъ, Григоріанскій Календарь“ (Н. Каптеревъ. „Характеръ отношеній Россіи къ правосл. Востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ“, стр. 297, 298, 397, 398).

Замѣчательна въ этомъ отношеніи также челобитная палеопатрасскаго митрополита Ѳеофана, поданная имъ государю въ 1645 году, послѣ того, какъ онъ исполнилъ порученіе константинопольскаго патріарха и собора, которыми онъ былъ посланъ въ Москву. Въ своей челобитной царю Ѳеофанъ пишетъ: „Буди вѣдомо державный царю, что веліе есть нынѣ

безсиліе во всемъ родѣ православныхъ христіанъ и бореніе отъ еретиковъ, потому что имѣютъ папежи и лютори греческую печать и печатаютъ повсядневно богословныя книги святыхъ отецъ и въ тѣхъ книгахъ вмѣщаютъ лютое зелье—поганую свою ересь". (Тамъ же, стр. 299, 399).

Съ теченіемъ времени греческая церковь продолжала приходить все въ большій религіозный упадокъ, такъ что въ эпоху Никона, по словамъ проф. кіевской духовной академіи А. Дмитріевскаго, когда наши предки пользовались богослужебными книгами, заимствованными еще изъ древней Византіи, весь православный Востокъ давно уже преобразовалъ богослуженіе, забывъ древніе образцы. Наше дониконовское богослуженіе восточнымъ отцамъ церкви казалось непонятнымъ, „зазорнымъ". Востокъ въ отношеніи богослужебныхъ книгъ былъ объединенъ; онъ пользовался исключительно книгами, печатавшимися въ Венеціи („Вѣд. Спб. Градонач." за 1909 г., № 40).

III.

О такомъ вышесказанномъ положеніи православія въ Греціи русскіе церковные люди были достаточно освѣдомлены, такъ какъ, „начиная съ конца XVI вѣка, получали очень подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія изъ разныхъ рукъ о всѣхъ событіяхъ и происшествіяхъ, особенно имѣвшихъ мѣсто въ константинопольской патріархіи, и на основаніи этихъ свѣдѣній имѣли полную возможность составить довольно ясное представленіе о жизни греческой церкви и порядкахъ, царящихъ въ ней, о нравственныхъ качествахъ ея важнѣйшихъ и второстепенныхъ представителей и т. п. Нужно сознаться, что картина церковной жизни на Востокѣ, на основаніи идущихъ оттуда свѣдѣній, получалась, въ общемъ, довольно мрачная, хотя эти свѣдѣнія шли отъ самыхъ достовѣрныхъ лицъ, такъ что заподозрить правдивость показаній ихъ русскіе не имѣли никакихъ основаній... Изъ донесеній какъ самихъ патріарховъ, такъ и разныхъ аген-

товъ московское правительство не только узнавало о томъ, что въ константинопольской патріархіи царятъ подкупы, интриги и всевозможныя неправды, но что тамъ для уничтоженія своего соперника практикуются и убійства, и что нѣкоторые патріархи, дѣйствительно, потеряли жизнь, благодаря происканъ другихъ патріарховъ, ихъ соперниковъ".

„Кромѣ тѣхъ свѣдѣній, которыя русскіе получали отъ самихъ грековъ относительно печальнаго внѣшняго и внутренняго положенія ихъ церкви, они могли хорошо познакомиться съ характеромъ греческаго благочестія чрезъ постоянныя наблюденія надъ греками, пріѣзжавшими въ Москву за милостынею или остававшимися въ Россіи на вѣчное житье. Всѣ бѣдные греки, начиная съ патріарха и кончая простымъ инокомъ, направлялись въ Москву съ единственною цѣлью получить здѣсь возможно щедрую милостыню. Чтобы достигнуть этой цѣли, они употребляли всѣ усилія понравиться русскимъ и во всемъ угодить имъ; дивились предъ русскимъ благочестіемъ и всячески восхваляли его, изъ угодливости подлаживались подъ русскіе религіозные обычаи въ ущербъ своимъ греческимъ, даже, чтобы остаться въ Россіи, шли предварительно подъ началъ для исправленія своей несовершенной вѣры и вообще вели себя относительно русскихъ льстиво, угодливо, поступаясь своими церковными особенностями и обычаями въ пользу русскихъ. При этомъ греки были корыстолюбивы, продажны, завистливы. Въ интересахъ наживы они готовы были пустить въ ходъ интригу, кляузы, клевету, всегда готовы были торговать всѣмъ,— и совѣстью, и знаніями, — словомъ, за деньги, за шкурку соболя, были готовы отдать русскимъ все самое святое и завѣтное для православнаго христіанина. При созерцаніи этой корыстолюбивой продажной толпы всевозможныхъ гречанъ, готовыхъ всячески пресмыкаться и угодничать, изъ-за получки лишней пары соболей, невольно и естественно являлось у русскихъ сознаніе своего нравственно-религіознаго превосходства предъ ними, невольно слагалось убѣжденіе, что въ дѣлахъ вѣры и благочестія греку довѣрять никакъ не слѣдуетъ. Какъ-то невольно все въ грекахъ

казалось русскимъ не твердымъ, шаткимъ, подозрительнымъ, достойнымъ не подражанія, а рѣшительнаго осужденія. Не таковъ идеалъ истинно-благочестиваго человѣка предносился русскому уму, какимъ былъ современный и знаемый ими грекъ. Наконецъ, объ упадкѣ благочестія у грековъ свидѣтельствовали и тѣ русскіе люди, которые путешествовали по Востоку и лично наблюдали и изучали всю религіозную жизнь грековъ на мѣстѣ. Въ этомъ отношеніи, особенно, важно было путешествіе на Востокъ Арсенія Суханова, который былъ офиціально уполномоченъ свѣтскимъ и духовнымъ нашимъ правительствомъ всесторонне и тщательно изучить православный Востокъ, и результаты своихъ изученій и наблюденій добросовѣстно и правдиво сообщить правительству. Въ лицѣ Суханова русскіе хотѣли, путемъ собственнаго наблюденія и изученія состоянія греческой православной церкви на Востокѣ, окончательно рѣшить давно занимавшій ихъ вопросъ: дѣйствительно ли греки въ дѣлахъ вѣры и благочестія не остались во всемъ вѣрны истинному православію, или эти представленія русскихъ о грекахъ были ошибочны, не согласны съ дѣйствительностью? Сухановъ, въ качествѣ полномочнаго эксперта, изучилъ на мѣстѣ греческіе церковные чины и обряды и хорошо познакомившись съ греческимъ благочестіемъ, не только не опровергъ ранѣе сложившихся русскихъ воззрѣній на грековъ, но и вполнѣ подтвердилъ ихъ, какъ несомнѣнно справедливыя, какъ вытекающія изъ дѣйствительнаго положенія греческой церкви и греческаго благочестія“ („Характ. отношеній“, Каптерева, стр. 303, 312, 323, 325, 403, 412, 423—425).

Между прочимъ, Арсеній Сухановъ сообщалъ въ своемъ офиціальномъ донесеніи царю и патріарху, что на Аѳонѣ греки торжественно провозгласили русскія церковныя книги еретическими и, какъ такія, публично предали ихъ сожженію. Объ этомъ сожженіи русскихъ богослужебныхъ книгъ на Аѳонѣ очевидецъ, старецъ Амфилохій, разсказывалъ ему слѣдующее: „Онъ въ то время былъ на Аѳонской горѣ и то все видѣлъ: сошлись де старцы святогорскіе всѣ и надѣли на себя патрахѣли и привели старца съ московскими кни-

гами, и облекли его въ ризы, и поставили его среди церкви, и называли его еретикомъ, и книги де держитъ еретическія, и крестить не по гречески, и хотѣли де его сожечь и съ книгами тутожде, и турки стояли призваны. И по многомъ де безчестіи тому старцу велѣли московскія книги на огнь положить самому, и онъ де многое время не хотѣлъ на огнь класть и за великую нужду, заплакавъ, положилъ, убояся и самъ того огня. А сожгли де московскихъ книгъ: двѣ въ десть, а третья въ полдесть, а иныхъ не помню каковы. А старца де того закляли, чтобъ ему впредь такъ (двуперстно) не креститься и ни кого не учить, и отдали его турку, и турокъ де держалъ его у себя въ желѣзахъ многое время и, взявъ съ него (взятку), отпустилъ. А другого де такого старца у нихъ во всей горѣ Аѳонской нѣту... Имя ему Дамаскинъ — мужъ духовенъ и грамотѣ ученъ. И то де греки сдѣлали отъ ненависти, что тотъ старецъ отъ многихъ почитаемъ, сербинъ онъ, а не грекъ, греки де хотятъ, чтобы всѣми они владѣли“ (тамъ же, стр. 334, 335, 434, 435).

„Когда на Аѳонѣ, — продолжаемъ читать у Каптерева, — русскія церковныя книги были сожжены, какъ еретическія, когда греческими старцами аѳонитами торжественно было заявлено, что служить по русскимъ церковнымъ книгамъ, слѣдовать имъ составляетъ преступленіе, за которое всякій долженъ подвергнуться тяжкой карѣ; когда вѣсть объ этомъ необычайномъ событіи быстро распространилась всюду, возбуждая различные толки, состязанія о вѣрѣ греческой и русской, тогда вопросъ о томъ, чей обрядъ правъ — греческій или русскій, — потребовалъ своего окончательнаго рѣшенія. Толки о сожженіи русскихъ церковныхъ книгъ на Аѳонѣ особенно сильны были въ Молдавіи, гдѣ сходились тогда всѣ православныя народности, откуда лежалъ тогда прямой и обычный путь въ Россію изъ разныхъ мѣстъ православнаго Востока. Здѣсь въ Молдавіи можно было услышать и разсказы о сожженіи книгъ отъ самихъ очевидцевъ, здѣсь происходили и состязанія о вѣрѣ русской и греческой, здѣсь находились и защитники аѳонскаго самосуда и его противники. Невозможно было скрыть этого прискорбнаго событія

отъ русскихъ... Близко къ сердцу принялъ Сухановъ обиду русскихъ со стороны грековъ, „надругавшихся надъ государевыми книгами“, онъ собралъ о событіи точныя свѣдѣнія и пожаловался патріарху Паисію, который и заявилъ ему, что аѳониты „не добро учинили“... Но не одобряя поступка аѳонитовъ, патріархъ и всѣ другіе греки однако прямо и рѣшительно заявляли Арсенію, который вступилъ съ ними по этому случаю въ горячія пренія о вѣрѣ греческой и русской, что именно русскіе погрѣшаютъ въ своихъ церковныхъ чинахъ и обрядахъ, которые во всей ихъ чистотѣ и неизмѣнности сохранились только у грековъ, почему русскіе должны признать грековъ учителями и руководителями въ своей церковной жизни...

Въ Москвѣ, такимъ образомъ, узнали о томъ, что не только греки аѳониты признаютъ русскія церковныя книги еретическими и какъ такія, публично сжигаютъ ихъ, но что и іерусалимскій патріархъ и другіе греческіе іерархи и учители считаютъ русскій церковный обрядъ и чинъ, въ чемъ онъ не согласенъ съ современнымъ греческимъ, за искаженіе и извращеніе истинно-православнаго чина и обряда“. (Тамъ же, стр. 336, 337, 436, 437).

Въ общемъ, во время своей поѣздки въ Грецію, Арсеній Сухановъ вынесъ о грекахъ впечатлѣніе самое плохое. „У грековъ,—говоритъ онъ,—и христіанства почти нѣтъ; они были христіане, а теперь бусурмане“ (Бѣлокуровъ, „Арсеній Сухановъ“, стр. 227).

Такимъ образомъ, „русскіе до второй половины XVII вѣка имѣли... вполнѣ достаточныя и очень твердыя основанія думать, что послѣ паденія Константинополя истинное православіе и совершенное благочестіе отъ грековъ дѣйствительно перешло на Русь; что современные греки уже не могутъ болѣе считаться представителями и руководителями религіозной жизни православнаго міра; что греческая церковь, въ ея современномъ состояніи, не только не можетъ служить своими церковными порядками образцомъ для другихъ православныхъ церквей, но и сама настоятельно требуетъ серьезнаго врачеванія; что русскіе въ своей религіоз-

ной жизни уже переросли своихъ бывшихъ учителей и не только не нуждаются въ ихъ дальнѣйшемъ учительствѣ и какой бы то ни было опекѣ съ ихъ стороны, но кое въ чемъ уже могутъ поучить и самихъ грековъ, такъ какъ на Руси истинная правая вѣра все болѣе цвѣтетъ и ширится, а у грековъ она все болѣе умаляется и потемняется. Такъ думали русскіе, такъ они и относились къ грекамъ, и вовсе не видѣли причинъ измѣнять эти отношенія, считать ихъ почему-либо несправедливыми и ошибочными. Наоборотъ, все, что только они знали о современныхъ грекахъ и ихъ церковно-религіозной жизни, все, что они сами могли видѣть и наблюдать изъ нея, все это только еще болѣе утверждало ихъ въ несомнѣнной правотѣ ихъ взглядовъ на грековъ и греческое благочестіе,—думать иначе о грекахъ они не имѣли никакихъ данныхъ". („Характ. отнош.", стр. 325, 425).

Тѣмъ болѣе не имѣли никакихъ данныхъ говорить о грекахъ, что они не только содержатъ твердо истинную вѣру, но что и малѣйшихъ обрядовъ не нарушаютъ. „Напротивъ, самый простой и естественный выводъ,—справедливо замѣчаетъ проф. Каптеревъ,—который русскіе логически необходимо должны были сдѣлать, на основаніи имѣвшихся у нихъ свѣдѣній о состояніи православія на Востокѣ былъ тотъ, что слова: грекъ и православные перестали уже быть синонимами, что русскіе должны крайне недовѣрчиво и опасливо относиться ко всему, что переходитъ на Русь отъ грековъ, иначе и на Русь можетъ проникнуть лютое зелье, поганая ересь папежей и люторей, какъ она уже успѣла проникнуть и все шире и глубже проникаетъ въ среду православныхъ грековъ". (Тамъ же, стр. 302, 402).

И русскіе, на самомъ дѣлѣ, дѣлали заключеніе: „Греческое царство раззорися и не созиждется, понеже они (греки) предаша православную греческую вѣру въ латинство", „тамо бо вѣра православная испроказися Махметовою прелестью отъ безбожныхъ турокъ"... только въ русской землѣ „большее есть православіе и высшее христіанство", только здѣсь твердо хранятъ „истинную святую нашу вѣру не нарушимою", только одна русская держава цвѣтетъ теперь „совер-

шеннымъ благочестіемъ какъ цвѣтъ солнечный“. (Тамъ же, стр. 14).

Насколько сомнительность русскихъ въ православіи грековъ была велика, можно судить потому, что въ архіерейскую присягу было включено клятвенное обѣщаніе не принимать грековъ ни на митрополію, ни на епископію. (Знаменскій, „Руководство по истор. русск. церкви“, стр. 132, изд. 1904 г.).

Даже Никонъ говорилъ о грекахъ, что они „потеряли вѣру и крѣпости, и добрыхъ нравовъ у нихъ нѣтъ“. (М. Макарій, „Патріархъ Никонъ въ дѣлѣ испр. богосл. книгъ“, стр. 106).

IV.

Но если въ представленіи русскихъ церковныхъ людей греческое православіе являлось такимъ „пестрымъ“, искаженнымъ, если у русскихъ не было никакихъ данныхъ говорить о греко-восточной церкви, что она хранитъ неизмѣнно истинную вѣру и не нарушаетъ и малѣйшихъ обрядовъ, то чѣмъ же объяснить ту противоположность взглядовъ, которая выражена о грекахъ, напримѣръ, въ „Книгѣ о вѣрѣ“? Въ чемъ суть такого отзыва, не согласнаго съ дѣйствительностью, а тѣмъ болѣе съ установившимся общимъ воззрѣніемъ на „пестроту“ греческаго православія?

Отвѣтомъ на эти вопросы служатъ историческія данныя о „Книгѣ о вѣрѣ“. „Подъ именемъ „Книги о вѣрѣ“,—говоритъ изслѣдователь этой книги Г. Дементьевъ,—извѣстенъ въ церковно-славянской литературѣ сборникъ догматико-полемическихъ статей, написанныхъ въ разное время и въ различныхъ мѣстахъ на уніатское отступленіе“. („Критическій обзоръ, такъ называемой, „Книги о вѣрѣ“, стр. 3).

Уже это одно даетъ возможность опредѣлить, почему въ названной книгѣ содержится такой, а не иной отзывъ о греческой и вообще восточной церкви.

„Въ началѣ XVII столѣтія,—продолжаетъ г. Дементьевъ,—мысль о составленіи такого полемическаго сборника, какой

представляетъ собой „Книга о вѣрѣ“, могла возникнуть естественно. Припомнимъ, что въ половинѣ XVII столѣтія Россія только что освободилась отъ самозванческихъ смутъ, а эти смуты на Руси и производились-то главнымъ образомъ, по вѣянію служителей папы—іезуитовъ. Церковь православная въ это время претерпѣвала жестокія гоненія отъ іезуитовъ. Все подвергалось ихъ насилію. Православные храмы и монастыри были разрушаемы; казна и имущество церковное отбирались у православныхъ; сосуды церковные употреблялись на служеніе сластолюбію; священниковъ обращали въ рабовъ. Ничто не было свободно отъ злобной руки іезуитовъ. Церковь православная вызвана была на борьбу съ еретиками. Многіе изъ православныхъ оставляли свою вѣру и переходили въ латинство, многіе недоумѣвали, гдѣ истина: у латинянъ или у православныхъ; многіе не могли различить, въ чемъ состоитъ разница между православными и отпадающими отъ православія. Что же оставалось дѣлать защитникамъ православной вѣры? Имъ нужно было оградить чистоту православія, нужно было обличить латинство, нужно было показать и выяснить православнымъ пункты православія и латинства... Нужно было дать православнымъ, погибающимъ подъ игомъ латинства и уніатства, какое-нибудь руководство, на которое бы они могли опереться въ своей борьбѣ съ латинами и уніатами. И... такой трудъ взялъ на себя игуменъ кіевскаго Михайловскаго монастыря Наѳанаилъ“. (Тамъ же, стр. 8, 19). Онъ составилъ „Книгу о вѣрѣ“, которой и далъ такое названіе: „Книжица, или списаніе о вѣрѣ православной, о святой церкви восточной, о изряднѣйшихъ правовѣрныхъ артыкулахъ, отъ Божественнаго Писанія путнаго ради случая въ гоненіи отъ нужды, вкратцѣ собрана“. (Тамъ же, стр. 19).

Изъясняя цѣль составленія этой своей книги, игуменъ Наѳанаилъ говоритъ: „Въ настоящіи сія времена послѣдніи подъ грѣхомъ нерадѣнія, и ненаказанія нашего, великъ пламень злохитрыхъ и многоглавыхъ ересей разгорѣся, отъ нихъ же мнози отъ правовѣрія въ зловѣріе уклоняются, видяще толикую облежащую на насъ бурю ру-

гателей различныхъ и многохульныхъ супостатъ... Сихъ ради винъ азъ мнiй, яже возмнѣхъ нужнѣйшая о вѣрѣ православной и о церкви восточной... вкратцѣ изобразити". („Книга о вѣрѣ", рукоп. моск. Рум. муз., № 427, лис. 7 об. и 8).

Изъ этихъ данныхъ довольно ясно, почему въ „Книгѣ о вѣрѣ" игумена Наѳанаила содержится столь похвальный отзывъ о грекахъ и ихъ православiи. Составителю сборника, направленнаго противъ злѣйшихъ враговъ православiя латинянъ, „ругателей различныхъ и многохульныхъ супостатовъ", „облагающихъ толикою бурею" вѣру православную, нужно было, съ одной стороны, въ самыхъ мрачныхъ краскахъ изобразить заблужденiе латинства, показать гибельность его и унiи съ нимъ, а съ другой—представить восточную церковь, что „она не только содержитъ твердо истинную вѣру, но что и малѣйшихъ обрядовъ не нарушаетъ". Изъ „Книги о вѣрѣ" игумена Наѳанаила мы видимъ, что то и другое доведено имъ до крайностей.

Что составитель „Книги о вѣрѣ", дѣлая такой отзывъ о греко-восточной церкви былъ далекъ отъ мысли считать усвоенное ею новообрядiе истиннымъ, единственно православнымъ, видно изъ его ученiя о двуперстiи, изложеннаго въ той же „Книгѣ о вѣрѣ". Излагая ученiе о крестномъ знаменiи авторъ „Книги о вѣрѣ" о сложенiи перстовъ для такого знаменiя, говоритъ въ слѣдующей формѣ: „Зложеньемъ трохъ пальцевъ правой руки посполу, т.-е. великаго и малаго, и третiего, что подлѣ малаго, исповѣдуется таемница Божественныхъ трехъ ипостасей—Отца, и Сына, и Святаго Духа, Единаго Бога въ трехъ лицахъ. Протягненiемъ же двохъ пальцовъ, вышняго и средняго, показуется таемница Самаго Господа нашего Iсуса Христа, еже есть досконалый Богъ и досконалый былъ человѣкъ, нашего дѣла спасенiя". (Рук. Рум. муз., № 427, лис. 126; срав. „Книгу о вѣрѣ", моск. изд., лис. 74).

Такъ ясно выраженное игуменомъ Наѳанаиломъ ученiе о двуперстiи положительно говоритъ за то, что онъ признавалъ только такое перстосложенiе правильнымъ и что та-

кое же перстосложеніе существовало тогда еще и у грековъ.

И дѣйствительно, когда игуменъ Наѳанаилъ писалъ о грекахъ свой похвальный отзывъ, греки были еще не троеперстники; по крайней мѣрѣ, нѣтъ никакихъ данныхъ, указывающихъ на противное.

V.

Въ подтвержденіе, будто бы, существовавшаго въ греческой церкви „всеобдержнаго обычая изображать крестное знаменіе тремя перстами“, единственно, на что ссылаются противостарообрядческіе полемисты—это книга „Православное исповѣданіе греческой церкви“. При чемъ, чтобы придать большій авторитетъ этому „свидѣтельству“, указываютъ на нашего преосвященнаго епископа Иннокентія, который въ одномъ изъ своихъ сочиненій высказался, что эта книга „подписана всѣми восточными патріархами въ разное время“.

Въ виду послѣдняго пріема новообрядческихъ полемистовъ не будемъ разсматривать указываемаго ими „свидѣтельства“ самостоятельно, а позволимъ воспользоваться возраженіемъ того же уважаемаго епископа Иннокентія. Онъ говоритъ: „За послѣднее время миссіонеры съ особеннымъ усиліемъ стали ссылаться на книжку: „Православное исповѣданіе каѳолической и апостольской Церкви“, въ которой говорится о триперстіи и которое 11 мая 1643 года подписано, будто бы, всѣми четырьмя восточными патріархами, а именно: Парѳеніемъ константинопольскимъ, Іоанникіемъ александрійскимъ, Макаріемъ антіохійскимъ и Паисіемъ іерусалимскимъ... Что же оказывается? Оказывается, что это невѣрно; что тѣ патріархи, которые будто бы подписали „Православное исповѣданіе“, на самомъ-то дѣлѣ вовсе не могли подписать его, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ. Это видно изъ того, что, напримѣръ, патріархъ іерусалимскій Паисій не былъ патріархомъ въ 1643 году, когда подписано „Православное исповѣданіе“. Въ то время іерусалимскимъ патріархомъ былъ Ѳеофанъ, умершій въ 1644 году 15 декабря. По смерти его „преемникомъ ему желалъ быть Мелетій, архі-

епископъ охридскій. Но воевода молдавскій доставилъ престолъ іерусалимскому же архимандриту Паисію, управлявшему Святогробскимъ монастыремъ въ Яссахъ. Посвящали его (въ патріархи) въ Яссахъ 23 марта 1645 года". (Лѣтоп. церк. событій, еписк. Арсенія, лѣто 1644, изд. 1899 г.).

„Какъ же такъ? Паисій рукоположенъ въ патріархи іерусалимскіе 23 марта 1645 года, а подписалъ „Православное исповѣданіе" 11 мая 1643 года, то-есть почти за два года до рукоположенія? Отвѣтъ на это напрашивается самъ собою. Подпись патріарха Паисія подъ „Православнымъ исповѣданіемъ" подложна. Но миссіонеры, чтобы удержаться на позиціи, чтобы не лишиться такого, повидимому, важнаго для нихъ свидѣтельства, какъ „Православное исповѣданіе", говорятъ и пишутъ, что подпись патріарха іерусалимскаго Паисія не подложна, что онъ подписалъ его не въ 1643 году, а впослѣдствіи, когда уже былъ патріархомъ. Вообще же они увѣряютъ, что „Православное исповѣданіе" подписывалось не въ одно время, а въ продолженіи многихъ лѣтъ до самаго Никона патріарха. Довѣрившись имъ, я въ книгѣ „О крещеніи греческой церкви и митрополита Амвросія", между прочимъ сказалъ: „Подписывали его не одновременно, а въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, почти до самаго патріаршества Никона" (стр. 79, изд. 1903 г.). И вотъ, миссіонеры пользуются этимъ выраженіемъ въ своихъ нехорошихъ цѣляхъ. Они говорятъ старообрядцамъ: „Вотъ даже вашъ епископъ Иннокентій говоритъ, что „Православное исповѣданіе" подписывалось не одновременно, а въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Слѣдовательно,—заключаютъ миссіонеры,—и патріархъ іерусалимскій Паисій могъ подписать его, если не въ 1643 году, то впослѣдствіи. А оно требуетъ употреблять триперстіе въ крестномъ знаменіи. Значитъ, триперстіе есть древній обычай".

„Но изъ этого можно вывести заключеніе совершенно противоположное и болѣе основательное и правильное. Если вѣрно то, что говорятъ миссіонеры, если вѣрно, что „Православное исповѣданіе" подписывалось не одновременно, т.-е. не въ 1643 году, а въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, вплоть

до патріарха Никона, то значитъ, это „исповѣданіе“ доказываетъ только то, что триперстіе не древній, а новый обычай, появившійся передъ самымъ патріаршествомъ Никона, если даже не одновременно съ нимъ... Самое большее: оно появилось не ранѣе, какъ за десять лѣтъ до временъ патріарха Никона. Какая же это древность! Да и такая ничтожная древность можетъ быть признана не иначе, какъ при условіи признанія подложности подписи патріарха іерусалимскаго Паисія. Если же признать эту подпись подлинной, то придется придвинуть эту мнимую древность къ самому патріарху Никону. А тогда оно теряетъ всякую цѣну и всякій вѣсъ. Какъ современное Никону, оно будетъ имѣть такое же значеніе, какъ и свидѣтельство самого патріарха Никона, то-есть ровно никакого. И дѣйствительно такъ. Патріархъ Макарій антіохійскій, напримѣръ, подпись котораго значится подъ „Православнымъ исповѣданіемъ“, первый изъ всѣхъ смертныхъ произнесъ проклятіе при Никонѣ въ 1656 г. на всѣхъ православныхъ христіанъ. Но это еще не все. Спрашивается: почему патріархъ іерусалимскій Ѳеофанъ, бывшій въ 1643 году, не подписалъ его, а подписалъ его уже слѣдующій за нимъ Паисій черезъ нѣсколько лѣтъ? Не потому ли, что онъ не былъ согласенъ съ ученіемъ „Православнаго исповѣданія“ о триперстіи? Не слѣдуетъ ли отсюда заключить, что онъ былъ двоеперстникъ?“ („О книгѣ „Православное исповѣданіе“, „Старооб. Мысль“, 1910 г., стр. 282—285).

Настоящая справка епископа Иннокентія о книжкѣ „Православное исповѣданіе“ вполнѣ подтверждаетъ наше основаніе, что въ 1644 году, когда игуменомъ Нафанаиломъ написанъ былъ похвальный отзывъ о грекахъ, послѣдніе еще не были триперстниками, по крайней мѣрѣ, не имѣли положительнаго ученія о троеперстіи; послѣднее появилось у нихъ послѣ, передъ самымъ патріаршествомъ Никона, если даже не одновременно съ нимъ.

VI.

Перейдемъ теперь къ „Книгѣ о вѣрѣ“ московскаго изданія. По свидѣтельству современника діакона Ѳеодора, „сія

„Книга о вѣрѣ“ правой писана нѣкоимъ игуменомъ Нафанаиломъ Михайловскаго монастыря на уніатское отступленіе, и на Москвѣ въ печати издана повелѣніемъ царскимъ, и тщательствомъ духовника его Стефана Вонифатьевича, благовѣщенскаго нашего протопопа“ („Матер. для ист. раск.“, т. VI). Въ „Русской исторической библіотекѣ“, издаваемой археографической комиссіею, въ IV т. 1878 года, въ отдѣлѣ „Примѣчаній“, подъ № 29, встрѣчаемъ также замѣчаніе касательно „Книги о вѣрѣ“, 1648 года. Здѣсь говорится, что московская „Книга о вѣрѣ“ есть просто переводъ одной западно-русской книжицы Нафанаила, изданной въ 1644 году. Слѣдовательно, „Книга о вѣрѣ“, изданная печатно въ Москвѣ въ 1648 году, является переводомъ съ книжицы игумена Нафанаила, о которой мы говорили выше.

Итакъ, что же побудило правящіе духовные круги перевести на церковно-славянскій языкъ и издать печатно книжицу Нафанаила, содержащую такой похвальный отзывъ о грекахъ въ то время, когда общее мнѣніе русскихъ было о нихъ рѣшительно противоположное? Быть можетъ, въ послѣднее время появились новыя данныя, служащія къ оправданію греческаго православія? Мы уже говорили, что такихъ данныхъ не было. Въ то самое время, когда печатаются въ Москвѣ книги съ такими похвальными для грековъ отзывами, русскіе церковные люди, напротивъ обогатились новыми, болѣе положительными свѣдѣніями о паденіи греческаго православія.

Спеціально командированный на Востокъ Арсеній Сухановъ, какъ мы знаемъ, не только не опровергъ ранѣе сложившихся русскихъ воззрѣній на грековъ, какъ измѣнившихъ вѣрѣ и благочестію, но и вполнѣ подтвердилъ ихъ. Значитъ, причины перемѣны взглядовъ на греческое православіе кроются въ чемъ-нибудь другомъ.

„Заявленіемъ этого новаго для Москвы мнѣнія,—говоритъ С. Бѣлокуровъ,—русское общество обязано было образовавшемуся въ Москвѣ въ концѣ первой половины XVII столѣтія, точнѣе, съ первыхъ лѣтъ царствованія Алексѣя, особому кружку лицъ, интересовавшихся церковными дѣлами“ (см. кн. „Арсеній Суховъ“, стр. 168).

Отличительною чертою этого кружка, по словамъ проф. Н. Каптерева, было то, что они „признавали несостоятельность старой русской жизни въ нѣкоторыхъ ея основахъ, именно: русскія церковныя книги они признавали сильно испорченными и потому нуждающимися въ исправленіи по греческимъ подлинникамъ; а равно также они признавали испорченными, нуждающимися въ исправленіи, по образцу греческихъ, тѣ русскіе церковные обряды и чины, которыми русскіе порознились съ тогдашними греческими“ („Патр. Никонъ и царь Алексѣй“, стр. 32). Главными представителями этого грекофильскаго направленія были: самъ царь Алексѣй Михайловичъ, Никонъ, впослѣдствіи патріархъ, боярынъ Ѳеодоръ Ивановичъ Ртищевъ, его сестра Анна, бояринъ Морозовъ и другія лица. Во главѣ этого кружка стоялъ царскій духовникъ протопопъ Благовѣщенскаго собора Стефанъ Вонифатьевичъ. Послѣдній „былъ не только поклонникомъ кіевской учености, не только заботился о перенесеніи въ Москву кіевскихъ ученыхъ произведеній, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ и убѣжденный грекофилъ, считавшій необходимымъ тѣсное во всемъ единеніе русской церкви съ вселенскою греческою, признававшій, что греческіе патріархи, и современные греки вообще, строго православны, что у нихъ церковный чинъ и обрядъ сохранился въ его первоначальномъ видѣ, и что если онъ въ чемъ не сходенъ съ современнымъ русскимъ чиномъ и обрядомъ, то это потому, что русскія церковныя книги, нѣкоторые церковные чины и обряды именно у насъ, а не у грековъ, подверглись порчѣ и измѣненію“. (Тамъ же, стр. 18).

Другими словами, держался того же ложнаго взгляда на неизмѣнность у грековъ церковныхъ чиновъ и обрядовъ, какой выражалъ Никонъ на соборѣ 1654 года и какого держатся нынѣшніе миссіонеры. Мы уже говорили, что несправедливость такого взгляда въ наше время съ точностью установлена. Тѣмъ не менѣе, держась такого взгляда, Стефанъ Вонифатьевичъ считалъ необходимымъ реформировать русскую православную церковь въ смыслѣ приведенія ея въ полное согласіе съ современною церковью греческой. Имѣя

довольно сильное вліяніе на молодого царя, онъ постарался внушить и ему тѣ же мысли, тѣ же воззрѣнія на церковь греческую. Благодаря ему, изъ Алексѣя Михайловича выработался въ полномъ смыслѣ грекофилъ, какимъ онъ остался и до конца своей жизни.

„Такимъ образомъ,—продолжаетъ по этому поводу Н. Каптеревъ,—царь Алексѣй Михайловичъ и его духовникъ протопопъ Стефанъ Ванифатьевичъ, еще въ патріаршество Іосифа, уже намѣтили очень ясно и опредѣленно характеръ будущей церковной реформы, которую доженъ былъ совершить потомъ преемникъ состарѣвшагося Іосифа. Они вызвали изъ Кіева ученыхъ книжныхъ справщиковъ, которые еще при Іосифѣ уже начали въ Москвѣ исправлять книги по греческимъ и южно-русскимъ изданіямъ. Для этой же цѣли въ Москвѣ былъ оставленъ и извѣстный Арсеній Грекъ, которымъ потомъ, какъ и учеными кіевлянами, Никонъ воспользовался для книжной справы. Греки еще до Никона допущены были у насъ до публичнаго церковнаго учительства, чтобы показать русскимъ примѣръ живой устной проповѣди, нами было забытой. Еще до Никона царь усиленно заботился объ устройствѣ въ Москвѣ школы, въ которой бы преподавался греческій языкъ, почему и разыскиваетъ на Востокѣ подходящаго греческаго учителя. Еще до Никона наше правительство вступаетъ съ пріѣзжавшимъ въ Москву іерусалимскимъ патріархомъ Паисіемъ въ соглашеніе по нѣкоторымъ церковнымъ вопросамъ, принимая во вниманіе сдѣланныя имъ указанія и разъясненія. Но этого мало. Еще до Никона у насъ уже обращаются къ константинопольскому патріарху за рѣшеніемъ нѣкоторыхъ возникшихъ въ нашей церковной практикѣ вопросовъ и тѣмъ открыто признаютъ въ дѣлахъ русской церкви высшій авторитетъ греческой вселенской церкви, ея право дѣлать намъ указанія и разъясненія... Наконецъ, въ Москвѣ начинаютъ на многолѣтіяхъ торжественно поминать греческихъ патріарховъ, чтобы тѣмъ публично засвидѣтельствовать, что русская церковь признаетъ современныхъ греческихъ патріарховъ вполнѣ православными“.

„Очевидно, церковная реформа, въ смыслѣ тѣснѣйшаго единенія русской церкви съ тогдашнею греческою, въ смыслѣ согласованія русскихъ богослужебныхъ книгъ, чиновъ и обрядовъ съ тогдашними греческими, задумана была царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и его уважаемымъ духовникомъ Стефаномъ Вонифатьевичемъ, и что они, еще до патріаршества Никона, уже усиленно подготовляли почву и средства для ея выполненія въ опредѣленномъ духѣ и направленіи". (Тамъ же, стр. 58—59).

Вотъ кому, значитъ, принадлежитъ идея реформы русской православной церкви, вотъ кто является иниціаторомъ той повальной ломки святоцерковной древности, которая произведена впослѣдствіи деспотически Никономъ. Подготовляя къ этому почву, Стефанъ Вонифатьевичъ позаботился и о переводѣ и изданіи печатно книги игумена Нафанаила, содержащей незаслуженную похвалу греческому православію и не отвѣчающее дѣйствительности указаніе, что греки и „малѣйшихъ обрядовъ не нарушаютъ".

Это отмѣчаетъ и проф. Н. Каптеревъ. Онъ говоритъ: „Воззрѣнія „Книги о вѣрѣ" на тогдашнихъ грековъ слишкомъ противорѣчили ходячимъ московскимъ представленіямъ по этому предмету и потому никакъ не могли остаться незамѣченными какъ самимъ издателемъ, такъ и многочисленными читателями самой книги. Наоборотъ, именно эти воззрѣнія на грековъ и были, конечно, главною причиною, почему Стефанъ Вонифатьевичъ „съ тщательствомъ" занялся изданіемъ „Книги о вѣрѣ": онъ сознательно хотѣлъ этою книгою подготовить московское читающее общество къ той мысли, что задуманное имъ и царемъ приведеніе русской церкви къ полному во всемъ единству съ тогдашнею греческою церковью не должно вызывать какихъ-либо недоумѣній, а тѣмъ болѣе протестовъ, какъ явленіе вполнѣ естественное и законное, что предубѣжденіе русскихъ противъ современной греческой церкви—ошибочно, несправедливо и отъ него слѣдуетъ отказаться" („Патр. Никонъ и царь Алексѣй," стр. 20).

Довольно выразительно по данному вопросу говоритъ и С. П. Мельгуновъ. „Въ глазахъ огромнаго большинства московскаго общества,—говоритъ онъ, — церковный авторитетъ грековъ давно уже палъ. Но его вновь пытаются возродить въ офиціальныхъ кругахъ. Царскій духовникъ Стефанъ Вонифатьевъ издаетъ „Книгу о вѣрѣ“, написанную кіевскимъ игуменомъ Нафанаиломъ—онъ имѣетъ опредѣленную задачу показать не погрѣшимость греческаго авторитета въ церковныхъ дѣлахъ. Чѣмъ же надо объяснить этотъ поворотъ въ правящихъ церковныхъ кругахъ? Дѣятельность патріарха Никона отчетливо объясняетъ намъ происхожденіе и развитіе этой тенденціи“ („Москва въ ея прошломъ и настоящемъ“, т. 5).

Итакъ, довольно ясно, съ какой цѣлью сдѣланъ переводъ на церковно-славянскій языкъ книжицы игумена Нафанаила и кому принадлежитъ изданіе таковой печатно въ 1648 году въ Москвѣ.

Принимая во вниманіе такія данныя, нѣтъ никакихъ основаній ссылаться на „Книгу о вѣрѣ“ въ доказательство „неизмѣннаго храненія греками православія“, а тѣмъ болѣе не нарушенія ими и малѣйшихъ обрядовъ. Это было бы несправедливостью, положительнымъ противорѣчіемъ дѣйствительности.

VII.

Теперь намъ предстоитъ разсмотрѣть самый важный, самый существенный вопросъ. Если греческое православіе съ точки зрѣнія русскихъ православныхъ являлось искаженнымъ, если греки дѣйствительно являлись потерявшими вѣру, „бывшими христіанами“, а теперь „басурманами“, то почему же русская православная церковь не прерывала общенія съ ними? почему не дѣлилась съ ними, какъ съ неимѣющими правой вѣры еретиками?

Паденіе грековосточной церкви, какъ видимъ мы изъ историческихъ данныхъ, совершалось постепенно. Въ этомъ отношеніи грековосточная церковь представляетъ полнѣйшую аналогію съ церковью западной католической. Чтобы об-

стоятельно уяснить вопросъ, почему русскіе православные не дѣлились съ греками до времени Никона и стали раздѣляться съ ними, какъ съ еретиками, со времени паденія при Никонѣ русской офиціальной церкви,—достаточно прослѣдить исторію паденія церкви западной католической и раздѣленія ея съ восточной православной.

Укажемъ сначала, что современное католичество въ сознаніи іерарховъ русской синодальной церкви является самымъ злымъ еретичествомъ. Такъ, напримѣръ, Антоній, архіепископъ волынскій, произнося слово на 150-лѣтіи холмской духовной симинаріи, высказался, что „всѣ восточныя ереси, удалившіяся отъ истиннаго ученія гораздо раньше латинянъ и гораздо сильнѣй ихъ исказившія догматическое ученіе о Пресвятой Троицѣ и о воплощеніи, несравненно ближе къ намъ, ближе къ православію, чѣмъ католики“ („Волынскія Епарх. Вѣдомости“, № 44 за 1910 годъ).

Еще болѣе ужасное говоритъ о католикахъ церковный органъ Холмской епархіи: „Холмская Церковная Жизнь“. Въ № 21 за тотъ же 1910 годъ, на вопросъ: „Что такое католичество—христіанство или язычество“?—названный органъ даетъ слѣдующій отвѣтъ: „Первые протестантскіе ученые богословы и проповѣдники, боровшіеся противъ католическихъ заблужденій и злоупотребленій, въ своей полемикѣ рѣшительно не стѣснялись въ выраженіяхъ; они называли папу—антихристомъ, епископовъ и ксендзовъ—слугами сатаны, а католическую вѣру—язычествомъ. Этотъ рѣзкій тонъ протестантской полемики вполнѣ понятенъ и объясняется не только фанатизмомъ первыхъ учителей протестантства, не только тѣми насиліями, какія обрушились на первыхъ протестантовъ со стороны католиковъ, но прежде всего печальнымъ состояніемъ католической церкви“.

Правда, холмскій духовный органъ не раздѣляетъ всецѣло взглядовъ протестантовъ, что въ католичествѣ нѣтъ ничего христіанскаго, но зато посмотрите, какъ положительно говоритъ онъ о томъ, что „въ католичествѣ существуетъ слишкомъ большая близость и зависимость отъ язычества и іудейства“.

„Несмотря на паденіе Рима,—продолжаемъ читать здѣсь,—тѣ языческія идеи, какими онъ всегда жилъ, не умерли, онѣ пережили и паденіе Рима, и время господства дикихъ народовъ, и даже самое принятіе христіанства. Эти идеи—всемірное господство, строгая дисциплина, духъ внѣшней юридической правды—проникли и въ христіанское ученіе и замѣнили въ католичествѣ духъ истиннаго христіанства: вмѣсто христіанскаго смиренія въ католичествѣ явилось стремленіе къ господству, вмѣсто внутренней чистоты и правды—внѣшняя юридическая справедливость, вмѣсто самоотверженной любви—чувство долга и суровая дисциплина. Язычество, такимъ образомъ, покрылось въ католичествѣ очень слабымъ слоемъ христіанства. Древній римскій паганизмъ и теперь проглядываетъ въ католичествѣ вездѣ, гдѣ только появится малѣйшая щель. Не успѣла разрушиться обширная и могущественная Римская имперія, какъ на обломкахъ прежняго величія римскихъ императоровъ, верховныхъ жрецовъ, выростаетъ католическая идея главенства папы надъ всей вселенской Церковью... И до сихъ поръ въ католичествѣ или, лучше сказать, въ папствѣ живетъ старый духъ языческаго Рима: стремленіе къ всемірному господству. Языческія наслоенія можно видѣть и въ догматическомъ ученіи католической церкви, напримѣръ, въ ученіи о спасеніи принята теорія чисто юридическихъ (правовыхъ) отношеній между Богомъ и человѣкомъ, т.-е. отношеній не христіанскихъ, а языческихъ; такова же теорія Opus operatum—въ ученіи католической церкви о таинствахъ и мн. др. Въ ученіи католической церкви можно находить сходство также съ ученіемъ еврейскимъ, не ветхозавѣтнымъ библейскимъ, а позднѣйшимъ—талмудическимъ“ („Холмск. Церк. Жизнь“, № 21, за 1910 г.).

Слѣдовательно, по сознанію новообрядческихъ пастырей и учителей, католичество является отстоящимъ отъ православія дальше, чѣмъ всѣ ереси, исказившія догматическое ученіе о Пресвятой Троицѣ; католичество, это—язычество, покрытое очень слабымъ слоемъ христіанства; оно сходно даже съ талмудическимъ еврействомъ.

Въ чемъ же сущность такого „полуязыческаго“ вѣроученія католиковъ? А самое главное: когда появилось оно въ римской церкви и когда произошло отдѣленіе послѣдней отъ церкви восточной? На всѣ эти вопросы въ одобренныхъ кѣмъ слѣдуетъ для „воспитанія“ нашего юношества учебникахъ по церковной исторіи, читаемъ слѣдующіе отвѣты: „Въ началѣ IX вѣка началось, а въ половинѣ XI вѣка окончательно послѣдовало отпаденіе западной церкви отъ единства Церкви вселенской, православной. Главными причинами этого отдѣленія были властолюбіе римскихъ папъ и нѣкоторыя отступленія въ ученіи вѣры, обрядахъ и церковномъ управленіи, допущенныя ими на Западѣ. Отступленія, допущенныя папами на Западѣ, были слѣдующія: вопреки правилу 1-го вселенскаго собора, всюду введено было безбрачіе для священниковъ; вопреки древнему церковному обычаю, разрѣшалось въ посты употреблять молочную пищу и яйца; въ субботу, которую церковь въ память сотворенія міра и первоначальнаго празднованія отличала облегченіемъ отъ поста, установленъ былъ постъ. Самое важное отступленіе западной церкви состояло въ прибавленіи (вопреки правилу третьяго вселенскаго собора) къ символу вѣры въ осьмомъ членѣ, лишняго слова „и Сына“ (filioque) и выраженное въ этой прибавкѣ ученіе объ исхожденіи Духа Святаго отъ Бога Отца и Бога Сына“ (Прот. П. Смирновъ, „Кратк. церк. исторія.“).

Всѣ эти и даже многія другія заблужденія существовали въ западной церкви задолго до раздѣленія церквей. Такъ, протоіерей синодальной церкви М. Богдановъ, указывая (согласно съ прот. П. Смирновымъ), что „отпаденіе западной церкви отъ восточной произошло, главнымъ образомъ, по причинѣ властолюбія римскихъ папъ, частью же по причинѣ нововведеннаго на Западѣ ученія и измѣненія древнихъ обрядовъ“,—отмѣчаетъ слѣдующую разность ихъ появленія. „Властолюбіе римскихъ папъ,—говоритъ онъ,—обнаружилось еще въ VII вѣкѣ по случаю испрошеннаго Бонифатіемъ III отъ императора Фоки титла патріарха вселенскаго исключительно для римскаго престола. Стараясь со-

хранить сіе пріобрѣтеніе, папы искали себѣ подчиненія всѣхъ церквей... Новопринятое западною церковью ученіе, не сообразное съ ученіемъ евангельскимъ, состояло: 1) въ ученіи о происхожденіи Святаго Духа и отъ Сына; 2) въ ученіи о чистилищѣ. То и другое ученіе появилось у писателей западной церкви съ VII вѣка. Въ VIII и особенно въ IX вѣкѣ оно уже сдѣлалось предметомъ спора между восточною и западною церковью. Отступленіе западной церкви отъ древнихъ постановленій и обрядовъ видно изъ того, что она: 1) держала постъ въ каждую субботу; 2) осуждала бракъ пресвитеровъ и діаконовъ; 3) возбраняла пресвитерамъ совершать таинство мvропомазанія надъ крестившимися; 4) не воздерживалась въ сыропустную недѣлю отъ мясоядѣнія и въ продолженіи всего Великаго поста отъ употребленія въ пищу сыра и яицъ; 5) весь клиръ, отъ чтеца до папы, по обычаю мірянъ, стригъ волосы и бороду; 6) діаконы восходили на степень епископскую, обходя степень пресвитерскую; 7) съ тѣломъ и кровію полагали на престолъ восковый агнецъ, тогда какъ трульскимъ соборомъ запрещено изображать Іисуса Христа въ видѣ агнца. Несогласіе между восточною и западною церковью во всѣхъ означенныхъ отношеніяхъ, а вмѣстѣ съ нимъ и начало отпаденіе церкви отъ восточной обнаружилось въ половинѣ IX вѣка (858 г.), по случаю низложенія съ константинопольскаго престола Игнатія за то, что онъ недопустилъ къ принятію св. Таинъ Варду, сильнаго вельможу при дворѣ, за его беззаконный бракъ съ близкою родственницею“ („Кр. исторія христіанской церкви“, изд. Москва, 1888 г., стр. 102). Еще дальше идетъ „Холмская Церковная Жизнь“, на которую мы уже ссылались. По ея опредѣленію „языческія наслоенія въ католичествѣ ведутъ свое начало отъ времени первоначальнаго распространенія въ Римской имперіи христіанства“. Далѣе, „въ періодъ отъ VII до XVI вѣка, папы и епископы нерѣдко бывали открытые безбожники, почитавшіе Христа наравнѣ съ языческими богами и философами; жизнь они вели роскошную и преступную, предаваясь грубымъ языческимъ удовольствіямъ; жили въ об-

ширныхъ дворцахъ и укрѣпленныхъ замкахъ; имѣли множество слугъ и войска; какъ и свѣтскіе государи, вели войны съ своими врагами и, конечно, не стѣснялись злоупотреблять своими священными правами и обязанностями; напримѣръ, безъ всякаго стыда продавали индульгенціи, жгли на кострахъ еретиковъ, запрещали читать мірянамъ слово Божіе и т. п.“ (№ 21 за 1910 годъ, стр. 853).

Итакъ, даже такое заблужденіе, какъ ученіе объ исхожденіи Духа Святаго и отъ Сына существовало въ западной церкви съ VII вѣка. Вотъ научное изслѣдованіе исторіи возникновенія этого ученія въ западной церкви. „Латинская церковь,—говоритъ проф. А. П. Лебедевъ,—не только рано внесла новизну въ ученіе о Троицѣ, но также рано сдѣлала отважный шагъ, позволивши себѣ догматъ объ исхожденіи Духа Святаго и отъ Сына прибавить къ символу Никео-Цареградскому, безъ всякаго на то уполномочія со стороны остальной церкви... Церковь восточная, изложивши главныя истины церковнаго вѣроученія въ символѣ, составленномъ частью на первомъ, частью на второмъ вселенскомъ соборѣ, провозгласила составъ его однажды навсегда опредѣленнымъ, неизмѣняемымъ. Это правило однакожъ не считала обязательнымъ для себя церковь западная, когда допустила измѣненіе символа чрезъ внесеніе въ него слова: filioque. Впервые эта прибавка допущена была въ церкви испанской. Она внесена была въ символъ съ тою же цѣлью, съ какой и изобрѣтенъ самый догматъ объ исхожденіи Духа Святаго и отъ Сына, именно съ цѣлью противодѣйствовать аріанскому ученію, уничижавшему достоинство Сына Божія. Испанія была театромъ ожесточенной борьбы церкви съ аріанствомъ здѣсь; вотъ причина, почему именно здѣсь пришли впервые къ мысли внести въ символъ извѣстное рѣченіе. Это было такъ: Въ царствованіе Реккареда, въ 689 году, былъ собранъ въ Испаніи соборъ, третій толедскій; на немъ держалъ рѣчь самъ Реккаредъ, въ которой онъ, между прочимъ, говорилъ: „Духъ Св. исповѣдуется и провозглашается нами исходящимъ отъ Отца и Сына, и одной и той же сущности со Отцомъ и Сыномъ“. Затѣмъ онъ прочелъ сим-

волъ Никео-Цареградскій съ прибавленіемъ уже словъ: который отъ Отца „и Сына исходитъ“. Отцы собора присоединили къ этому символу анаѳематизмы... Между этими анаѳематизмами третій гласилъ: „Если кто въ Духа Святаго не вѣритъ, или не будетъ вѣровать въ исхожденіе Его отъ Отца и Сына, и не будетъ исповѣдывать Его совѣчнымъ Отцу и Сыну и равнымъ Имъ, таковый анаѳема“. Этотъ символъ съ прибавленіемъ filioque читанъ на соборахъ толедскомъ VIII, IX и другихъ“ („Очерки внутр. исторіи визант. восточ. церкви“, стр. 317). „Въ VII и VIII вѣкахъ,—говоритъ протоіер. Г. Дьяченко,—это прибавленіе изъ испанскихъ церквей распространилось въ церквахъ франкскихъ. Самъ императоръ франковъ, Карлъ Великій и франкскіе епископы ревностно отстаивали filioque, когда восточная церковь высказалась противъ этого прибавленія. Въ IX и X вѣкахъ ученіе объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына стало распространяться и въ самомъ Римѣ. Восточная церковь, въ лицѣ константинопольскаго патріарха Фотія (во второй половинѣ IX вѣка) обличала это нововведеніе западной церкви и доказывала его неправильность; но западная церковь, уже начавшая тогда вражду противъ церкви восточной, не приняла во вниманіе голоса церкви восточной, и папа Бенедиктъ VIII въ 1014 г. окончательно внесъ въ символъ filioque. Съ этого времени ученіе объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына, осталось навсегда въ западной церкви“ („Уроки и примѣры христіан. вѣры“, изд. 1902 г., стр. 393).

И вотъ, несмотря на существованіе въ западной церкви такой важной догматической разности, восточная церковь пока-что находилась въ общеніи съ нею, офиціально, такъ сказать, не объявляла ее еретической. Окончательный разрывъ съ католиками, какъ съ еретиками, восточная церковь совершила въ 1054 году. Такъ именно признаютъ это и новообрядцы. „До 1054 года по Р. Х.,—было сказано на-дняхъ въ „С. Епарх. Вѣдом.“,—греко-восточная и римско-католическая церкви находились въ единствѣ вѣры и составляли единую Церковь; но въ этомъ году всѣ восточныя церкви отлучили отъ себя римско-католическую за многія, не согласныя съ сло-

вомъ Божіимъ, нововведенія въ вѣрѣ и, главнымъ образомъ, за неправильное ученіе католиковъ объ исхожденіи Св. Духа не только отъ Отца, какъ учитъ слово Божіе (Іоан. 15, 26), а и отъ Сына (filioque).“

VIII.

Но если все это было такъ, то почему же церковь восточная не раздѣлялась съ западною католическою? Почему находилась въ общеніи съ нею, когда знала достовѣрно, что послѣдняя содержитъ явныя ереси? Почему терпѣла эти ея еретичества въ теченіе, по крайней мѣрѣ, послѣднихъ 200 лѣтъ?

Отвѣтъ на эти вопросы будетъ въ то же время отвѣтомъ и на вопросъ: почему православная Русь, строго храня древнія святыя преданія, не дѣлилась съ греками, въ концѣ концовъ дошедшими до совершеннаго искаженія православія, до потери всего древняго, освященнаго вѣками?

Мы уже говорили, что исторія—не только паденія грековосточной церкви, но и раздѣленія ея съ православными русскими—представляетъ полнѣйшее сходство съ исторіей паденія церкви западной католической и раздѣленія ея съ восточной въ свое время православной церковью. Одну сторону этого вопроса мы уже согласовали. Изъ представленныхъ историческихъ данныхъ мы видѣли, что паденіе какъ западной католической, такъ и восточной греческой церквей совершалось постепенно, время отъ времени. Сравнимъ теперь и самыя обстоятельства раздѣленія.

Разрывъ церкви восточной съ западной произошелъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ: „Въ 1053 году,—читаемъ въ „Исторіи Христ. Церкви“ Д. Робертсона,—Михаилъ Керуларій, патріархъ константинопольскій, и Левъ, архіепископъ охридскій и митрополитъ болгарскій... обратились къ епископу тронинскому въ Апуліи съ письмомъ, въ которомъ предостерегали его противъ заблужденій латинянъ. Предметомъ разногласія, на которомъ они особенно настаивали, было свойство

евхаристическаго хлѣба... Другими обвиненіями противъ западной церкви были выставлены: пощеніе по субботамъ, яденіе удавленины и крови и пѣніе великой аллилуіи только на Пасху. Патріархъ и его сообщникъ заключали просьбою, чтобы епископъ транійскій распространилъ это письмо между западными епископами и духовенствомъ. Гумбертъ, кардиналъ-епископъ Сильва-Кандиды, одинъ изъ наиболѣе ревностныхъ членовъ римскаго духовенства, случившись въ Трани, когда прибыло это письмо, перевелъ его и сообщилъ его Льву (папѣ), который также скоро затѣмъ получилъ извѣстіе, что Керуларій закрылъ латинскія церкви и захватилъ латинскіе монастыри въ Константинополѣ. Вслѣдствіе этого папа обратился изъ Беневенто съ протестующимъ письмомъ къ патріарху“ („Истор. Христ. Церк.“, т. I, стр. 947). Вотъ какъ передается это письмо въ „Лѣтописи“ архимандр. Арсенія: „Папа,—говорится здѣсь,—изготовилъ обширный (въ тридцати отдѣлахъ) отвѣтъ на имя патр. Михаила и архіепископа болгарскаго. Мало касаясь обрядовыхъ разностей, старается доказать важность римской каѳедры и ея заслуги для церкви, ея непогрѣшимое православіе и первенство, и, наговорившись о ключахъ апостола Петра и объ исключительной его власти вязать и рѣшить, а, слѣдовательно, о таковой же власти и папъ, папа указываетъ и на свои мірскія преимущества въ силу „дарственной записи“ Константина Великаго, утверждающей за папами императорскую власть, осыпаетъ греческую церковь рѣзкими укоризнами, упрекаетъ патріарха возведеніемъ на престолъ изъ мірянъ и притѣсненіемъ латинскихъ церквей въ Константинополѣ, тогда какъ внутри и внѣ Рима греческія церкви и монастыри не стѣсняются въ своихъ обычаяхъ, и, наконецъ, убѣждаетъ обоихъ, патріарха и архіепископа, къ смиренію, миролюбію и къ лучшему отношенію къ латинянамъ на Востокѣ“ („Лѣтопись церковн. событій“, изд. 1880 года, стр. 377).

„Послѣ нѣкорыхъ дальнѣйшихъ сношеній,—продолжаемъ читать въ „Исторіи“ Д. Робертсона,—Левъ (папа) въ январѣ 1054 года отправилъ въ Константинополь трехъ легатовъ: Гумберта, Фридриха Лорренскаго, канцлера римской церкви,

и Петра, архіепископа амальфійскаго, съ письмомъ, въ которомъ просилъ императора Константина Мономаха присоединиться къ союзу противъ нормянновъ, и съ другимъ письмомъ къ патріарху Керуларію, въ отвѣтъ на письмо, обращенное патріархомъ ко Льву“ (стр. 948).

„Сами по себѣ эти письма,—говоритъ проф. А. Лебедевъ,—не могли быть приняты представителями церковной и свѣтской власти въ Константинополѣ сочувственно. Но во всякомъ случаѣ они одни не могли подвинуть константинопольскую церковь на какія-нибудь рѣшительныя дѣйствія по отношенію къ римской церкви; но чего не могли сдѣлать письма, то сдѣлали папскіе легаты своимъ образомъ поведенія въ Константинополѣ. Во главѣ посольства, присланнаго въ началѣ 1054 года изъ Рима въ Константинополь, стоялъ кардиналъ Гумбертъ: „Это былъ человѣкъ въ высшей степени страстный, охотникъ до распрей, и при томъ истый поборникъ преимуществъ римской каѳедры“. Не удивительно, если при такихъ качествахъ глава посольства Гумбертъ сдѣлался причиной полнаго нарушенія церковнаго мира между Востокомъ и Западомъ. Дѣло кончилось замѣчательно быстро. Съ поразительнымъ самообольщеніемъ Гумбертъ является и дѣйствуетъ въ церкви константинопольской такъ, какъ будто бы она была подчинена римской церкви, и какъ будто бы онъ пришелъ сюда въ качествѣ уполномоченнаго отъ Рима, которому константинопольскій патріархъ обязанъ быть вполнѣ послушенъ. Гумбертъ и другіе члены посольства гордо держали себя въ ихъ отношеніи къ патріарху, и „ихъ гордый тонъ, съ которымъ они хотѣли говорить съ патріархомъ въ качествѣ папскихъ легатовъ, долженъ былъ вооружить противъ нихъ патріарха“. И однакожъ патріархъ не позволилъ себѣ никакого оскорбительнаго поступка съ легатами“ („Истор. раздѣл. церквей“, стр. 343, 344).

Вотъ какъ описываетъ это самъ патріархъ Михаилъ: „Когда же они (легаты) прибыли, то явились сперва къ императору, съ чрезычайною надменностью въ осанкѣ, поступи и одѣяніи, которая еще болѣе умножилась при посѣщеніи

моихъ палатъ; ибо они не только не сказали мнѣ ни слова, но даже не наклонили головы и не хотѣли воздать обычнаго привѣтствія, или возсѣсть позади митрополитовъ, бывшихъ со мною въ палатѣ. И что говорю я о себѣ? Они не смирились даже и предъ императоромъ, но взошли во дворецъ съ крестами и посохами въ рукахъ; мнѣ же довольствовались вручить только запечатанную грамоту и немедленно удалились" („Правда всел. Церкви о римской и проч. патр. каѳедрахъ", изд. Спб., 1849 г., стр. 191).

Съ тою же надменностью продолжали вести дѣло легаты и во все время пребыванія своего въ Константинополѣ. „Гумбертъ представилъ діалогъ между поборникомъ византійской и поборникомъ римской церкви, въ которомъ грекъ подробно излагаетъ содержаніе письма къ епископу транійскому, при чемъ латинянинъ опровергаетъ его пунктъ за пунктомъ и возводитъ нѣкоторыя обвиненія противъ грековъ. На этотъ діалогъ одинъ студійскій монахъ, по имени Никита Пекторатъ, отвѣчалъ спокойно написаннымъ трактатомъ, который, вдобавокъ къ затронутымъ уже предметамъ, обсуждалъ и вопросъ о принудительномъ целибатѣ западнаго духовенства. Гумбертъ возражалъ въ грубомъ тонѣ и дерзкими ругательствами и закончилъ споръ произнесеніемъ анаѳемы на Никиту со всѣми его сторонниками. Но онъ не допустилъ, чтобы побѣда была рѣшена перомъ; вмѣстѣ съ нимъ и другими посланниками императоръ самъ отправился въ монастырь студійскій, гдѣ Никита и былъ принужденъ произнести анаѳему на свою собственную книгу, вмѣстѣ со всѣми, кто будетъ отрицать преимущества или хулить вѣру римской церкви. По требованію легатовъ, Константинъ приказалъ сжечь самую книгу, и на слѣдующій день несчастный авторъ ея, будто бы по своему собственному вызову (какъ стараются доказать латиняне), явился къ легатамъ, отрекся отъ своихъ заблужденій и повторилъ свою анаѳему противъ всего, что было сказано, сдѣлано или посягалось противъ римской церкви. Патріархъ Михаилъ однако же продолжалъ держаться въ сторонѣ отъ римскихъ легатовъ, заявляя, что онъ не могъ рѣшать такихъ вопросовъ безъ другихъ патріарховъ" (Д. Робертсонъ, „Истор. Хр. Церкви", стр. 948).

Тогда легаты „раздраженные твердостью Михаила, недумавшаго жертвовать ничѣмъ изъ своихъ священныхъ правъ въ пользу напства, легаты рѣшились на поступокъ, который служитъ и донынѣ позоромъ для церкви западной. Они рѣшились произнести анаѳему на Константинопольскую церковь. 16 іюля 1054 года они дерзнули положить отлучительную на церковь константинопольскую грамоту въ Софійскомъ константинопольскомъ храмѣ на св. алтарѣ, во время богослуженія.

Вотъ эта грамота.

„Св. римская первая апостольская каѳедра, которой, какъ главѣ, принадлежитъ попеченіе о всѣхъ церквахъ, ради церковнаго мира и пользы, благоволила послать насъ, легатовъ своихъ, въ этотъ царствующій градъ, чтобы мы пришли и узнали, справедливъ ли тотъ слухъ, который безпрестанно доходитъ до ушей ея изъ сего города, или же нѣтъ“. Затѣмъ легаты, похваливъ императора, клиръ и народъ за благочестіе, относительно же патріарха говорили: „Что же касается до Михаила, неправо называемаго патріархомъ, и сообщниковъ его глупости (stultitiae), то ежедневно въ его средѣ разсѣиваются здѣсь множайшія плевелы ересей. Именно, подобно симоніанамъ они продаютъ даръ Божій, подобно валезіанамъ оскопляютъ пришельцевъ, и однакожъ дѣлаютъ ихъ не только клириками, но и епископами. Подобно аріанамъ перекрещиваютъ крещеныхъ во имя Св. Троицы, въ особенности латинянъ. Подобно донатистамъ утверждаютъ, что во всемъ мірѣ, за исключеніемъ церкви греческой, погибли и Церковь Христова, и истинная евхаристія, и крещеніе. Подобно николаитамъ позволяютъ браки служителямъ алтаря. Подобно северіанамъ злословятъ законъ Моисеевъ. Подобно духоборцамъ отсѣкаютъ въ символѣ вѣры исхожденіе Духа Святаго и отъ Сына. Подобно манихеямъ, между прочимъ, считаютъ квасное одушевленнымъ. Подобно назореямъ наблюдаютъ тѣлесныя очищенія іудейскія, — новорожденныхъ дѣтей не крестятъ ранѣе восьми дней по рожденіи, родительницъ не удостаиваютъ причащенія, и если они язычницы, отказываютъ имъ въ крещеніи. Относительно этихъ заблу-

жденій и многихъ другихъ, самъ Михаилъ, вразумляемый письмами папы Льва, не образумился. Поэтому мы, легаты, не снося несправедливости и оскорбленія, допущеннаго касательно первой апостольской каѳедры, властію Святой и Нераздѣльной Троицы и апостольской каѳедры всѣхъ святыхъ отцевъ, бывшихъ на седьми вселенскихъ соборахъ, произносимъ анаѳему на Михаила и его сообщниковъ, если не вразумятся. Михаилу и сообщникамъ его, пребывающимъ въ вышеуказанныхъ заблужденіяхъ и продерзостяхъ анаѳема, маранаѳа вмѣстѣ съ симоніанами, валезіанами... и совсѣми еретиками, купно же съ діаволомъ и аггелами его. Аминь, аминь, аминь“ (А. Лебедевъ, „Истор. разд. церквей“, стр. 344—346).

„Послѣ сего и въ присутствіи императора и его вельможъ они устно произнесли: „Кто упорно станетъ противиться вѣрѣ святого римскаго и апостольскаго престола и его жертвоприношенію, да будетъ анаѳема, маранаѳа, и да не считается христіаниномъ каѳолическимъ, но еретикомъ прозелитомъ. Да будетъ, да будетъ, да будетъ“!..

„Черезъ день, по совѣщанію съ патріархомъ, императоръ пригласилъ ихъ для новаго совѣщанія, но при публичномъ чтеніи въ Софійскомъ храмѣ ихъ отлучительной грамоты народъ до того пришелъ въ волненіе, что самъ императоръ поспѣшилъ выпроводить ихъ“ (Арх. Арсеній, „Лѣтопись церк. событій“, стр. 381).

Такъ совершилось окончательное раздѣленіе церквей восточной и западной. Съ этихъ поръ западная церковь въ представленіи восточной является заблуждающейся, еретичествующей.

Та же исторія во всѣхъ ея деталяхъ повторилась и съ греческой восточной церковью.

Мы видѣли, что паденіе западной церкви совершилось не вдругъ. Всѣ тѣ ея особенности обрядоваго и даже догматическаго характера, которыя признаны были впослѣдствіи еретическими, нарождались въ ней постепенно; онѣ существовали ранѣе самаго раздѣленія. Послѣднее произошло, какъ отмѣчаютъ и сами новообрядцы, благодаря властолюбію папъ,

надменности папскихъ легатовъ и, главнымъ образомъ, произнесенному ими отлученію патріарху и всей восточной церкви. Пока западная церковь не навязывала своихъ заблужденій православному Востоку, послѣдній еще снисходительно относился къ существовавшимъ въ ней разностямъ. Но когда католики съ надменностью провозгласили только свое исповѣданіе православнымъ, а греческое отвергли, какъ еретическое; какъ только, наконецъ, папскіе легаты провозгласили анаѳему защитникамъ восточнаго исповѣданія, — разрывъ естественно послѣдовалъ немедленный и вмѣстѣ съ тѣмъ окончательный.

IX.

Тоже до мельчайшихъ подробностей повторилось и съ грековосточной церковью. Паденіе греческаго православія совершалось такъ же, какъ ина Западѣ, постепенно, не вдругъ. Съ самаго начала флорентійской уніи, греки мало-по-малу заражались нововведеніями. Ко времени Никона православіе грековъ было настолько пестро, что „самый простой и естественный выводъ,—повторимъ слова проф. Н. Каптерева,—который русскіе логически необходимо должны были сдѣлать на основаніи имѣвшихся у нихъ свѣдѣній о состояніи православія на Востокѣ,былъ тотъ,что слова: грекъ и православіе перестали уже быть синонимами, что русскіе должны крайне недовѣрчиво и опасливо относиться ко всему, что переходитъ на Русь отъ грековъ, иначе и на Русь можетъ проникнуть лютое зелье, поганая ересь папежей и люторей, какъ она уже успѣла проникнуть и все шире и глубже проникаетъ въ среду православныхъ грековъ“ („Характ. отнош. къ вост.“ стр. 302).

Но пока греческая церковь не навязывала своихъ заблужденій русскому православію, пока не дѣлала посягательствъ на русскіе православные чины и обряды, русскіе православные снисходили къ ея нововведеніямъ, пока-что не прерывали съ нею общенія. Послѣднее совершилось тогда, когда представители греческой церкви — патріархи, подобно като-

лическимъ, разразились страшными проклятіями на святыя церковныя преданія, свято сохранявшіяся въ православной русской церкви, и предали ужаснѣйшей анаѳемѣ защитниковъ этой свято-церковной древности.

Разница въ обстоятельствахъ раздѣленія состоитъ лишь въ томъ, что католики не имѣли на православномъ Востокѣ себѣ сторонниковъ и поэтому, когда папскіе легаты совершили свой дерзкій поступокъ, за ними не только никто не послѣдовалъ, но народъ пришелъ въ такое волненіе, что только благодаря императору, который уважалъ въ легатахъ званіе пословъ, они могли свободно выѣхать изъ Константинополя. У насъ же въ Россіи заблужденіе грековъ нашло себѣ сторонниковъ въ лицѣ извѣстнаго кружка, изъ котораго выродился ужаснѣйшій реформаторъ Никонъ, въ безумномъ порывѣ дерзнувшій совершить повальную ломку свято-церковныхъ преданій.

Естественно, если противъ этой безумной реформы, совершавшейся во имя давно павшаго греческаго авторитета, запротестовали тѣ, кому была дорога святая старина и вѣковыя преданія церкви. Было бы величайшей несправедливостью утверждать, что этотъ протестъ, поведшій къ окончательному разрыву, былъ со стороны защитниковъ старины также необдуманнымъ и безумнымъ, какъ и самая реформа Никона.

„Тотъ неподдѣльный ужасъ,—справедливо замѣчаетъ Н. Каптеревъ,—та боязнь за чистоту и неповрежденность русскаго православія, которые такъ сильно проявились въ русскомъ обществѣ при видѣ грекофильской реформаторской дѣятельности Никона, не были пустотою, только русскимъ круглымъ невѣжествомъ, измышленною боязнью, созданіемъ невѣжественныхъ и фанатичныхъ поклонниковъ родной старины, порожденіемъ нѣсколькихъ интригановъ, сводившихъ съ Никономъ свои личные счеты; но прямымъ естественнымъ слѣдствіемъ исторически сложившихся русскихъ воззрѣній на сравнительное достоинство русскаго и греческаго благочестія, при чемъ эти возрѣнія нашли себѣ полное подтвержденіе и оправданіе въ суммѣ тѣхъ свѣдѣній о православномъ Во-

стокѣ, какія имѣлись въ рукахъ русскихъ за XVI и XVII вѣка". („Характ. отнош", стр. 326, 426).

Въ немногихъ словахъ, но весьма основательно излагаетъ этотъ протестъ С. П. Мельгуновъ, онъ говоритъ: „Окончательный разрывъ между сторонниками никоновскихъ реформъ и ихъ противниками происходилъ постепенно, по мѣрѣ выясненія характера самихъ реформъ и ихъ осуществленія. Грекофильскія тенденціи получаютъ какъ бы правительственную санкцію еще до занятія Никономъ въ 1652 г. патріаршаго престола. Въ 1649 — 1650 гг. прибываютъ въ Москву тѣ малорусскіе ученые — Арсеній Сатановскій, Дамаскинъ Птицкій, Епифаній Славенецкій, которые должны были заняться исправленіемъ церковнаго чина въ духѣ согласованія его съ греческой практикой. Домъ боярина Ѳеодора Ртищева, покровительствовавшаго кіевлянамъ, превращается въ своего рода общественный салонъ, гдѣ идутъ горячіе споры по вопросу о церковной реформѣ. Цѣлыя ночи проходятъ въ этихъ бесѣдахъ, на которыхъ выступаютъ и нѣкоторые изъ будущихъ вождей старообрядчества. Московское общество проявлеетъ большой интересъ къ вопросу, ставшему какъ бы очереднымъ; объ этомъ свидѣтельствуетъ успѣхъ, которымъ пользуются литературныя произведенія, затрогивающія эти вопросы: „Книга о вѣрѣ" и донесеніе Арсенія Суханова о наблюденіяхъ, произведенныхъ имъ на Востокѣ— денесенія, которыя опровергали выводы грекофильской партіи и доказывали, что греки не могутъ быть „источникомъ" вѣры. Въ послѣднихъ донесеніяхъ видѣть здѣсь только націоналистическое самомнѣніе и невѣжество нельзя уже потому, что свои выводы Сухановъ аргументируетъ непосредственными наблюденіями надъ тѣми „небреженіями", которыя допускаютъ греки. Въ 1650 г. на Аѳонѣ сжигаютъ московскія богослужебныя книги, какъ еретическія. Для грекофильской партіи это былъ сильный ударъ, ставившій вопросъ о церковныхъ исправленіяхъ ребромъ. Для противниковъ грековъ это событіе отнюдь не могло служить поводомъ измѣнить установившуюся церковную практику, ибо греческіе источники давно уже „пересохли". Выводы Арсенія Суханова

вполнѣ гармонировали съ господствующей въ московскомъ обществѣ точкой зрѣнія. Пріѣзжіе греки лишь еще болѣе дискридитировали въ глазахъ московскаго общества авторитетъ греческой церкви. Въ самомъ дѣлѣ, эти греческіе іерархи, пріѣзжавшіе въ Москву для полученія подачекъ и даровъ отъ царскихъ щедротъ, занимающіеся въ Москвѣ продажей индульгенцій—разрѣшительныхъ грамотъ и за „пѣнязи“ готовые „всякія святыни обращать въ товаръ“, по ядовитому замѣчанію Юрія Крижанича, неумѣренно льстившіе московскому самодержцу и всѣмъ власть имущимъ, не могли имѣть вѣса въ московскомъ общественномъ мнѣніи. И когда начались церковныя реформы, единолично проводимыя Никономъ съ одобренія свѣтской верховной власти, когда эти реформы ломали московскую церковную старину во имя греческаго авторитета, они вызвали громкую оппозицію“ („Москва въ ея прошломъ и настоящемъ“, томъ 5, стр. 89).

Слѣдствіемъ этой повальной ломки святой древности, какъ уже извѣстно, былъ окончательный разрывъ между послѣдователями духовнаго погрома и его противниками. Причемъ и самый разрывъ совершился положительно при тѣхъ же обстоятельствахъ, какъ и разрывъ между восточною и западною церквами.

Тамъ, на Востокѣ, православные раздѣлились съ католиками послѣ того, какъ представители папы прибыли въ Константинополь и здѣсь всенародно произнесли анаѳему всѣмъ тѣмъ, кто не слѣдуетъ римскому престолу и признаетъ его содержащимъ различныя заблужденія. Причемъ всѣ тѣ обрядовыя разности, которыя существовали въ восточной церкви, провозгласили еретическими. Такъ точно произошло раздѣленіе и защитниковъ русской церковной старины съ поколебавшими эту старину Никономъ и его послѣдователями и предавшими ее проклятію греками. Въ 1656 году своды національной московской святыни собора Успенія Богоматери такъ же, какъ и своды св. Софіи константинопольской въ 1054 году, огласились греческимъ проклятіемъ на

православный русскій народъ, содержащій древнія святыя преданія, и хулой на самыя эти преданія.

„Въ 1656 году 12 февраля, — говоритъ историкъ м. Макарій,—въ день памяти св. Мелетія Антіохійскаго, а вмѣстѣ и святителя московскаго Алексѣя, въ Чудовѣ монастырѣ совершалась праздничная заутреня, на которой присутствовали самъ царь со всѣмъ своимъ синклитомъ, патріархи съ другими архіереями и множество народа. Когда въ положенное по уставу время прочитано было изъ Пролога, въ поученіе православнымъ, извѣстное сказаніе о св. Мелетіи Антіохійскомъ... тогда Никонъ во всеуслышаніе спросилъ патріарха Макарія, какъ понимать это сказаніе.“ И Макарій такъ же надменно, какъ и папскіе легаты, возгласилъ: „Мужіе всего православія, слышите: сей св. Мелетій три первыя персты разлучены показа другъ отъ друга... тыя же паки три соедини, ими же и знаменіе показа. И аще кто сими тремя персты на лицѣ своемъ образъ креста не изобразуетъ, но имать творити, два послѣдняя съ великимъ пальцемъ, да два великосредняя простерта имѣти, и тѣмъ образъ креста изображати, таковый арменоподражатель есть, арменове бо тако изображаютъ на себѣ крестъ“ (М. Макарій, „Истор. русск. церкви“, т. XII, стр. 188—189).

„Изъ этого торжественнаго всенароднаго заявленія заѣзжаго въ Москву цатріарха—милостыне-собирателя,—замѣчаетъ проф. Каптеревъ,—русскій народъ получилъ о себѣ совершенно неожиданное свѣдѣніе, что онъ крестится еретически, по-армянски. Это поразительное открытіе, конечно, должно было крайне смутить и изумить всѣхъ благочестивыхъ русскихъ людей, доселѣ знаменовавшихъ себя въ крестномъ знаменіи двоеперстно, т.-е., какъ оказалось, по-армянски. Но Никонъ,—продолжаетъ г. Каптеревъ, — не далъ времени одуматься русскому благочестивому человѣку, поразмыслить о томъ, что это теперь творится на Москвѣ,—онъ приготовилъ для него еще болѣе поразительное зрѣлище. Спустя двѣнадцать дней послѣ памятнаго для народа праздника, въ день св. Мелетія Антіохійскаго, наступила, такъ называемая, недѣля Православія. На этотъ разъ торжественная служба

совершалась въ Успенскомъ соборѣ, на ней присутствовалъ царь со всѣмъ синклитомъ, стеченіе народа было громадное. Кагда начался извѣстный обрядъ православія, два пріѣхавшихъ въ Москву съ Востока патріарха: антіохійскій Макарій и сербскій Гавріилъ, да еще пріѣзжій греческій никейскій митрополитъ Григорій, стали предъ царемъ, его синклитомъ, предъ всѣмъ служившимъ духовенствомъ и бывшимъ въ соборѣ народомъ, и Макарій антіохійскій, сложивъ три первые перста и показывая ихъ, воскликнулъ: „Сими тремя первыми великими кресты всякому православному христіанину подобаетъ изображати на лицѣ своемъ крестное изображеніе; а иже кто по Θеодоритову писанію и ложному преданію творитъ, той проклятъ есть“. За Макаріемъ то же проклятіе на двоеперстниковъ повторилъ сербскій патріархъ Гавріилъ и никейскій митрополитъ Григорій. Такъ торжественно пришлые иностранцы прокляли въ Москвѣ всѣхъ крестящихся двумя перстами. А между тѣмъ двоеперстникомъ былъ тогда весь русскій народъ... и не только въ данное время, но такъ крестились ихъ предки и между ними всѣмъ вѣдомые и чудесами прославленные угодники Божіи. Что же это значитъ, невольно думали русскіе, что въ московскомъ Успенскомъ соборѣ, этой національной московской святынѣ... пришлые случайные чужеземцы торжественно предавали анаѳемѣ никого другого, какъ самихъ русскихъ, ихъ почившихъ предковъ и чуть не самихъ русскихъ угодниковъ Божіихъ?*). Что это значитъ, что убогіе пришельцы милостыне-собиратели... рѣшаются такъ торжественно... позорить русскихъ, ихъ вѣковую святую старину, издѣваются надъ ихъ благочестіемъ, доселѣ еще никѣмъ непохуленнымъ?.. Напрасно было говорить русскому о подложности слова Θеодорита, о неправильности въ сказаніи русскаго Пролога о св. Мелетіи, напрасно было ему указывать на двоеперстіе, какъ еретическое армянское перстосложеніе,—ему достаточно было въ этомъ случаѣ только по-

*) Логически вытекаетъ, что и угодники Божіи, какъ двоеперстники, подверглись этой анаѳемѣ. Авт.

смотрѣть на лики своихъ русскихъ великихъ угодниковъ, которыми такъ богата русская церковь, чтобы вполнѣ и окончательно убѣдиться, что двоеперстіе не армянская ересь, а правое, вполнѣ православное перстосложеніе, доказанное несомнѣнною святостью лицъ его употреблявшихъ“ („Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ“, стр. 180, 181).

Но на этомъ дѣло не остановилось. Въ началѣ апрѣля 1656 года въ Москвѣ „было уже четыре восточныхъ святителя“. Никонъ обратился къ нимъ съ письменнымъ посланіемъ, прося возвѣстить, какъ слѣдуетъ креститься. И всѣ четыре представителя восточной церкви изложили письменно слѣдующую анаѳему православнымъ христіанамъ: „Преданіе пріяхомъ съ начала вѣры... творити знаменіе честнаго креста тремя первыми персты десныя руки, и кто отъ христіанъ православныхъ не творитъ крестъ тако... есть еретикъ и подражатель арменомъ. И сего ради имамы его отлучена отъ Отца и Сына и Св. Духа и проклята“. (Тамъ же, стр. 191).

Такимъ образомъ, за самый короткій періодъ времени православный русскій народъ только за то, что слѣдовалъ древнему преданію св. Христовой Церкви, ограждалъ себя такимъ сложеніемъ перстовъ, какимъ ограждались свв. Божіи угодники, былъ подверженъ со стороны грековосточныхъ іерарховъ многократнымъ проклятіямъ, анаѳемамъ и отлученію отъ церкви, а самое православное преданіе—двоеперстіе было причисленно къ ереси, обозванно аріанскимъ, армянскимъ, несторіанскимъ, непріятнымъ церкви, ложнымъ преданіемъ, въ которомъ извѣщается неравенство Св. Троицы.

Но это не былъ еще конецъ. Клятвы эти были завершены слѣдующими чудовищными анаѳемами и леденящими кровь проклятіями.

Въ 1667 году въ Москвѣ происходилъ соборъ, извѣстный подъ именемъ „большого“. На этомъ соборѣ, 13 мая, было произнесено слѣдующее злохульное ученіе: „Во имени великаго Бога... соборнѣ заповѣдуемъ всѣмъ и повелѣваемъ... аллилуія, въ Божественомъ пѣніи, въ уреченныхъ мѣстахъ,

глаголати трижды, сирѣчь: аллилуія, аллилуія, аллилуія, слава тебѣ, Боже... Знаменіе честнаго и животворящаго креста творити на себѣ треми первыми персты... Молитву Іисусову глаголати сице: Господи Іисусе Христе Боже нашъ, помилуй насъ, въ церковномъ пѣніи и въ общемъ собраніи; а наединѣ яко же кто хощетъ; къ сему же приказати всѣмъ просфорницамъ, чтобы просфоры печатали печатію креста четвероконечнаго... Благословляти народъ: сложивши десныя руки іерею два перста... яже знаменаета Іисусъ... и три перста Христосъ... Аще ли же кто не послушаетъ, повелѣваемыхъ отъ насъ... или начнетъ прикословити и противлятися намъ: и мы таковаго противника, данною намъ властію отъ Всесвятаго Животворящаго Духа... отлучаемъ и чужда сотворяемъ отъ Отца и Сына и Святаго Духа и проклятію и анаѳемѣ предаемъ, яко еретика и непокорника, и отъ православнаго всесочлененія и стада и отъ церкви Божія отсѣкаемъ, яко гнилъ и непотребный удъ, дондеже вразумится и возвратится въ правду покаяніемъ... Аще ли кто... пребудетъ въ упрямствѣ своемъ до скончанія своего: да будетъ и по смерти отлученъ и непрощенъ, и часть его и душа его со Іудою предателемъ и распеншами Христа жидовы и со Аріемъ и съ прочими проклятыми еретиками. Желѣзо, каменіе и древеса да разрушатся и да растлятся, а той да будетъ не разрѣшенъ и не разрушенъ, и яко тимпанъ во вѣки вѣковъ, аминь“ („Дѣян. соб. 1667 г.“, гл. 1, лис. 9—13).

Такое злохульное ученіе было провозглашенно „великимъ“ московскимъ соборомъ 1667 года съ участіемъ восточныхъ патріарховъ. Всѣ эти заклинанія ужасно напоминаютъ анаѳемы папскихъ легатовъ на восточную православную церковь. „Анаѳема... вмѣстѣ съ симоніанами, валезіанами... и со всѣми еретиками, купно же съ діаволомъ и аггелами его“,—провозглашали представители западной церкви на церковь константинопольскую.

... „И часть его и душа его со Іудою предателемъ и распеншими Христа жидовы и со Аріемъ и съ прочими проклятыми еретиками“,—изрыгали и представители грековосточной церкви на православныхъ защитниковъ св. преданій Церкви.

„Кто упорно станетъ противиться вѣрѣ святого римскаго и апостольскаго престола... да будетъ анаѳема, маранаѳа (т.-е. да будетъ отлученъ и въ пришествіе Господне). Аминь, аминь, аминь“,—было заключительными словами папскихъ легатовъ. Точно такими же словами заключали свои анаѳемы православнымъ христіанамъ и представители восточной церкви. Аще ли кто,—говорили они въ заключеніе своего клятвеннаго акта,—пребудетъ въ упрямствѣ своемъ, не послушаетъ повелѣваемыхъ отъ насъ: „да будетъ и по смерти отлученъ... Желѣзо, каменіе и древеса да разрушатся и да растлятся, а той да будетъ не разрѣшенъ и не разрушенъ, и яко тимпанъ во вѣки вѣковъ, аминь“.

Разсуждая по поводу этихъ ужасныхъ анаѳемъ, извѣстный о. І. Верховскій, будучи еще единовѣрческимъ священникомъ, писалъ: „Если бы въ нашъ вѣкъ случилось нѣчто подобное... если бы нынѣшняя власть назвала достойными проклятія и прокляла крестящихся двуперстно во исповѣданіе Распятаго, конечно, весь православный міръ пришелъ бы въ негодованіе. Какое же впечатлѣніе именно такая клятва должна была произвесть на нашъ русскій народъ два вѣка назадъ!?... Безусловность обрядозапретовъ и безпощадность козней церковныхъ и гражданскихъ утверждали народъ въ убѣжденіи, что никоновскія реформы касаются самыхъ основаній спасенія, самой вѣры во Христа... народъ... не могъ не чувствовать инстинктивно, не могъ не угадывать безмѣрности этой погрѣшительности... И вотъ чувствованіе этой безмѣрной погрѣшительности соединило русскій народъ въ громадный протестъ, извѣстный нынѣ подъ именемъ старообрдчества... Все старообрядство согласно между собою... въ томъ, что клятвы 1656—1667 гг. легли тяжкимъ грѣхомъ на всѣхъ пастырей, и тѣхъ, которые произнесли тѣ клятвы, и тѣхъ, кои признаютъ ихъ праведными... Неправедная клятва не есть праздное, пустое слово, а есть дѣяніе полное силы, только обратной: не касаясь проклинаемыхъ ни лицъ, ни предметовъ, она всецѣло обращается на проклинателей. На этомъ основаніи старообрядцы признаютъ всѣхъ пастырей грекороссійской церкви „связанными“ тою клят-

вою, которую сами они произнесли на держаніе и держателей стараго обряда, но которая, какъ неправедная обратилась на пастырей (проклинателей) („Церковно - Общественный Вѣстникъ“, за 1874 г.).

Такой взглядъ о. Верховскаго на несправедливыя, незаконныя клятвы неголословный; онъ имѣетъ своимъ основаніемъ святоотеческое ученіе. „Кто уничтожаетъ какое-либо преданіе церковное, писанное ли то, или неписанное, тому анаѳема“,---выноситъ свой судъ хулителямъ седьмой вселенскій соборъ („Дѣян. всел. соб.“, т. 7. стр. 612). „Еже Христосъ не токмо собою,—говоритъ св. Іосифъ Волоцкій,—но и Божественными апостолы и свв. отцы предалъ есть, намъ подобаетъ хранити, а еже убо отмѣща и хуля, всѣхъ невѣрныхъ невѣрнѣйши есть и ниже христіанинъ можетъ быти“ („Просвѣтитель“, сл. 8, стр. 490). „Непослѣдуетъ Божій судъ,—говоритъ тотъ же св. отецъ,—ни патріаршему, ни епископскому не токмо не благословенію и отлученію, но ниже проклятію, аще не повиннѣ прокленетъ“, „но клятва ихъ на нихъ возратится“(„Просвѣтитель“, сл. 12, стр. 519). „Всякъ убо всуе не благославляя и проклиная, — говоритъ тотъ же св. отецъ,—себе не благословляетъ и проклинаетъ“ (Тамъ же, сл. 12, стр. 516). „Если меня обличаютъ аріане, — говоритъ блаж. Іеронимъ,—то это такъ и должно быть; если же православные, то, порицая вышеизложенное вѣроученіе, они перестали быть православными“ („Твор. блаж. Іеронима“, час. 1, стр. 48, пис. 17).

У св. Ѳеодора Студита вотъ что говорится о несправедливыхъ проклинателяхъ, осудившихъ незаконно несогласныхъ съ ихъ ученіемъ: „Какъ бы стараясь получить себѣ названіе совершенныхъ еретиковъ, они на другомъ открытомъ соборѣ подвергли анаѳемѣ несоглашающихся съ беззаконнымъ ихъ ученіемъ или лучше всю каѳолическую Церковь, и изъ тѣхъ, которые встрѣтились имъ, однихъ изгнали далеко, другихъ заключили подъ стражу, возобновивъ опять гоненія по здѣшнему обыкновенію“ („Твор. Ѳеодора Студ.“, ч. 1, стр. 220, пис. 33). Ясно отсюда, что кто незаконно проклинаетъ православныхъ христіанъ, самъ ста-

новится неправославнымъ. По словамъ того же св. отца, такіе проклинатели „произносятъ анаѳему на Самого Бога посредствомъ анаѳематствованія защищающихъ законъ Его“ („Твор.“,час. 1,стр. 233). „Но аще хульницы,—говоритъ св. Анастасій Синаитъ,—иже человѣка хулятъ, отвержени суть царствія Божія, кольми паче вѣру Христову и Бога хуляще“ („Кормчая“, лис. 622).

На основаніи этихъ святоотеческихъ ученій вполнѣ разрѣшается вопросъ о паденіи грековосточной церкви. Произнесши ужасныя проклятія и анаѳемы на православныхъ христіанъ за содержаніе святыхъ церковныхъ преданій, грековосточная, а вмѣстѣ съ нею и новообрядствующая русская церкви произнесли судъ надъ самими собой.

Произнесеніемъ этихъ антихристіанскихъ проклятій и анаѳемъ завершилось паденіе какъ грековосточной, такъ и русской офиціальной церквей. Съ этого времени онѣ какъ и католическая съ 1054 года, являются заблуждающимися, еретичествующими. И всѣ тѣ, кто дорожитъ чистотой православія, порвали всякую связь съ ними, какъ нѣкогда православный Востокъ порвалъ связь съ заблудшимъ Западомъ.

Примѣчаніе